Ee. A - 17853

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
21579

Отзывъ о сочиненіи: П. И. Лященко. Очерки аграрной эволюціи Россіи. Т. I. Разложеніе натуральнаго строя и условія образованія сельскохозяйственнаго рынка. Спб. 1908 г.

Книга г. Лященко посвящена чрезвычайно важному и до сихъ поръ мало обслѣдованному вопросу исторіи развитія сельскаго-хозяйства въ Россіи. Нельзя не поставить въ заслугу автора, что онъ принялся за изученіе этого вопроса. Труды проф. И. Н. Миклашевскаго, Н. Рожкова, В. И. Семевскаго, Игнатовича, статьи П. Б. Струве и цѣлаго ряда другихъ писателей показали, какое громадное количество матеріала еще не использовано экономистами, какъ плохо до сихъ поръ мы знакомы даже съ литературной исторіей экономіи въ Россіи, какъ много сторонъ нашего хозяйственнаго быта ждетъ со стороны опытныхъ экономистовъ разработки и освѣщенія. Въ частности, экономическая исторія крѣпостнаго хозяйства съ конца 18-го вѣка и до момента его паденія еще почти совсѣмъ не выяснена. Автору надлежало идти по пути уже отчасти проложенному вышеуказанными писателями, воспользовавшись въ тоже время трудами Шторха, Семенова, Небольсина, Заблоцкаго-Десятовскаго и друг., которые положили начало разработки статистическаго изученія народнаго хозяйства нашей страны съ начала 19-го вѣка. Само собою разумѣется, что авторъ долженъ былъ внимательно отнестись и къ трудамъ

Tartu Ülikooli Raamatukogu
i20595667 1

историковъ Россіи вообще, а также и къ тѣмъ писателямъ, которые занимались не только исторіей сельскаго хозяйства, но и исторіей обрабатывающей промышленности. При внимательномъ изученіи хотя бы отмѣченныхъ писателей, авторъ научился бы осторожной постановкѣ проблемъ и ясно созналъ бы, что всякое тщательное изученіе должно быть связано по возможности съ ограниченнымъ пространствомъ и временемъ, поскольку это соотвѣтствуетъ единичнымъ силамъ изслѣдователя.

Къ сожалѣнію авторъ пошелъ другой дорогою и, какъ это будетъ показано ниже, отсюда и вытекли самые существенные недостатки его труда. Хотя авторъ и называетъ свой трудъ лишь „Очерками аграрной эволюціи“, но онъ поставилъ своей задачей обозрѣть всю исторію развитія сельскаго хозяйства Россіи съ древнѣйшихъ временъ и до нашего времени т. е. такую задачу, которая даже при значительномъ количествѣ подготовительныхъ работъ, — чего въ дѣйствительности нѣтъ, — была бы совершенно не по силамъ опытному экономисту. Для начинающаго свою научную дѣятельность писателя такая сложная работа едва ли могла увѣнчаться успѣхомъ.

Въ торопливой погонѣ за начертаніемъ эволюціи г. Лященко пришлось прибѣгнуть къ пріему, который придалъ его работѣ не столько характеръ изслѣдованія, сколько довольно искусственнаго подбора фактовъ для заранѣе принятой точки зрѣнія безъ достаточнаго углубленія въ изученіе тѣхъ многочисленныхъ писателей, къ помощи которыхъ авторъ прибѣгаетъ.

Уже внѣшнее обозрѣніе книги показываетъ, что авторъ не стремится тщательно разобрать изслѣдуемые имъ вопросы.

Книга г. Лященко состоитъ изъ чрезмѣрно длиннаго и растянутаго введенія (107 страницъ), въ которомъ авторъ заранѣе устанавливаетъ свой взглядъ на исторію аграрной эволюціи Россіи и увѣряетъ читателя, что она была вполнѣ аналогична съ исторіей Западной Европы.

Двѣ первыя главы посвящены первоначальной дифференціаціи сельскаго населенія, сельскому хозяйству съ древнѣйшихъ временъ и до Петра I. (стр. 111—149 т. е. 38 стр.).

3-я глава посвящена торговому капиталу и торговой политикѣ въ 18-мъ вѣкѣ (150—172 т. е. 22 стр.).

4-я, 5-я и 6-я главы посвящены исторіи крѣпостнаго хозяйства съ начала 19-го вѣка (173—235 т. е. 62 стр.).

7-я и 8-я главы сельско-хозяйственному рынку, желѣзнодорожному строительству и тарифной политикѣ послѣ освобожденія крестьянъ (236—274 т. е. 41 стр.).

9-я и самая обширная глава даетъ опытъ изученія сельско-хозяйственнаго рынка въ новѣйшее время (278—387 т. е. 109 стр.) и, наконецъ, 10-я и послѣдняя даетъ характеристику отношенія крестьянскаго хозяйства къ рынку; въ ней авторъ приходитъ къ выводу, распространяемому на всю Россію, будто крестьянское хозяйство есть просто особый видъ производства на скупщика.

Введеніе занимаетъ не безъ причинъ столь чрезмѣрное мѣсто въ книгѣ г. Лященко. Оно по существу не представляетъ собою простаго указанія на постановку вопроса и способы его разрѣшенія, а стремится совершенно догматически установить положенія, которыя авторъ во что бы то ни стало стремится провести въ своей книгѣ. Отъ Карла Маркса авторъ заимствуетъ положеніе, что производительному капиталу въ общей экономической эволюціи къ капиталистическому хозяйству предшествуетъ процессъ образованія торговаго капитала. Отъ Вернера Зомбарта онъ беретъ совершенно еще недоказанное утвержденіе, будто „первоначальное накопленіе“ капитала создалось чрезъ накопленіе земельныхъ рентъ.

Послѣднее положеніе кажется ему столь незыблемымъ и общимъ для всѣхъ періодовъ исторіи, что онъ распространяетъ его на самыя отдаленныя эпохи, совершенно забывая, что и самъ Зомбартъ относитъ свою теорію происхожденія торговаго и производительнаго капитала изъ накопленныхъ рентъ только къ 12 и 13 вѣку т. е. къ моменту возникновенія и роста городовъ[1]). Забываетъ онъ также и о томъ,

1) См. W. Sombart. Der Moderne Kapitalismus, т. I., изд. 1902 г., стр. 282—299.

что Карлъ Марксъ [1]), говоря о такъ называемомъ первоначальномъ накопленіи, имѣлъ въ виду процессъ отнятія земли у сельскаго населенія и образованіе пролетаріата въ послѣднюю треть 15-го вѣка и въ первыя десятилѣтія 16-го вѣка, при чемъ, какъ извѣстно, онъ придавалъ этому процессу необычайно бурный, скорый и насильственный характеръ, что далеко не подтверждается новѣйшими изслѣдованіи даже для одной той страны, которую онъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду (Англія).

Зомбартъ и самъ сознаетъ всю шаткость своей гипотезы; онъ говоритъ, что „желаетъ лишь проложить путь, вступивъ на который профессіональные знатоки источниковъ могутъ достигнуть болѣе глубокаго поминанія историческаго процесса“. (ib. 299 стр.) [2]).

---

1) Капиталъ, т. I, глава 24. Въ русской литературѣ имѣется любопытная попытка разобраться въ точкѣ зрѣнія Маркса въ книгѣ г. Граната: Къ вопросу объ обезземеленіи крестьянства въ Англіи (М. 1908 г.). Авторъ этого труда думаетъ, что процессъ обезземеленія началъ совершаться гораздо ранѣе, чѣмъ предполагалъ Марксъ, шелъ болѣе медленнымъ, экономическимъ путемъ и далеко не столь насильственнымъ; по мнѣнію автора уже въ концѣ XI вѣка было чуть ли около трети (даже около 45%) малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ, которые могли жить, лишь разсчитывая на сторонніе заработки. Особенность англійскаго общиннаго, наслѣдственнаго права, требовавшаго перехода нераздѣльнаго участка лишь къ младшему сыну, недостатокъ скота для обработки земли и необходимость передачи и его остающемуся на землѣ, уже съ этого времени стали создавать пролетаріатъ, искавшій земли со скотомъ у вотчинника, готовый во всякій моментъ порвать свою слабую связь съ землей и переселиться въ городъ.

2) Критикуя теорію Зомбарта одинъ изслѣдователь и не плохой знатокъ матеріала Dr. J. Strieder. Zur Genesis des modernen Kapitalismus. Forschungen zur Entstehung der grossen bürgerlichen Kapitalvermögen am Ausgange des Mittelalters und zu Beginn der Neuzeit, zunächst in Augsburg, L. 1904 г. пишетъ въ заключеніе (стр. 229): „по взгляду Зомбарта современный капитализмъ возникъ съ того момента, когда торговлѣ удалось вовлечь въ свою среду богатыхъ городскихъ земельныхъ собственниковъ и воспользоваться ихъ громадными капиталами, произшедшими изъ накопленія *городскихъ* земельныхъ рентъ“. „По моему взгляду, продолжаетъ авторъ, современный капитализмъ возникъ въ долгій, долгій періодъ времени, изъ соединенія стараго ремесла съ старой торговлей (если хотите ремесленной торговлей)“. г. Лященко можетъ сказать, что точка

Мѣткое и полезное обобщеніе Маркса, что развитіе торговаго капитала предшествуетъ капитализаціи производства, также, конечно, связывается съ опредѣленнымъ и болѣе позднимъ временемъ.

Если бы авторъ поставилъ своей задачей прослѣдить хотя бы вліяніе возникшаго торговаго капитала Московской Руси, начиная съ царя Алексѣя, на весь строй хозяйства, то выполненіе даже такой задачи составило бы очень крупную заслугу автора и, пожалуй, едва ли было ему по силамъ. Ослѣпленный неправильно понятой точкой зрѣнія Зомбарта авторъ вообразилъ, что можетъ подвести на 38 страницахъ всю древнѣйшую русскую исторію до 18-го вѣка къ одному знаменателю. Онъ потерялъ изъ виду всякую перспективу во времени, упустилъ изъ виду все многообразіе условій въ предѣлахъ пространства и, что особенно печально, какъ экономистъ забылъ, что современными экономическими терминами въ приложеніи къ предшествовавшему времени надлежитъ пользоваться съ большою осторожностью. Временами напр. на стр. 112 авторъ и самъ сознаетъ всю шаткость подобраннаго имъ матеріала и всю неясность своихъ теоретическихъ конструкцій, но въ общемъ это не мѣшаетъ ему думать, что истина имъ открыта, что такъ называемое „первоначальное накопленіе“ возникло, слѣдовательно и въ Руси путемъ совершенно аналогичнымъ, какъ и въ Западной Европѣ т. е. путемъ накопленія рентъ (стр. 127) и „что экспропріація населенія совершилась въ до историческія времена (стр. 120)“.

Уже во введеніи авторъ колеблется между двумя противорѣчивыми стремленіями; съ одной стороны онъ хочетъ прослѣдить просто вліяніе денежно-торговаго капитала на народное хозяйство, съ другой стороны, дать исторію возникновенія этого капитала изъ накопленныхъ рентъ. Для послѣдней точки зрѣнія онъ не только не собралъ никакого матеріала, а ско-

зрѣнія этого автора его не убѣждаетъ, но тогда онъ долженъ былъ на почвѣ Россіи собрать матеріалъ для подтвержденія своей точки зрѣнія, а онъ этого не сдѣлалъ.

рѣе даже перепуталъ наличные факты. Для первой же точки зрѣнія онъ кое что сдѣлалъ и въ этомъ, какъ мнѣ представляется, можно признать за нимъ нѣкоторую заслугу. Для изученія народнаго хозяйства Россіи съ этой болѣе ограниченной точки зрѣнія не было автору нималѣйшей надобности проникать въ плохо ему извѣстную экономическую исторію древней Россіи, а надо было заняться тщательнымъ изученіемъ торговаго обмѣна съ начала 19-го вѣка. Само введеніе уже показываетъ, что ненужный балласть хаотически собранныхъ данныхъ первыхъ двухъ главъ остался и для самаго автора безплоднымъ покушеніемъ на исторію.

На стр. 90-й своего труда, позабывъ о своемъ утвержденіи, что сельское населеніе древней Руси было уже экспропріировано въ доисторическое время, авторъ даетъ нижеслѣдующую схему развитія современныхъ формъ земледѣльческихъ хозяйствъ изъ стараго натуральнаго строя. Въ началѣ онъ ставитъ первобытное родовое и семейное хозяйство; затѣмъ эти формы хозяйства, по его мнѣнію, раздѣляются на формы крупнаго и мелкаго хозяйства, причемъ каждое изъ нихъ имѣетъ свою исторію. Крупное помѣстное хозяйство, натуральное, съ крѣпостнымъ трудомъ послѣдовательно превращается въ крупное хозяйство съ отработочной и испольной арендой свободнаго труда, въ хозяйство съ капиталистической арендой и, наконецъ, въ капиталистическое хозяйство въ собственномъ смыслѣ съ наемнымъ трудомъ. Мелкое деревенское хозяйство, въ свою очередь, послѣдовательно превращается въ хозяйство ремесленнаго типа, въ хозяйство на скупщика и въ мелкое капиталистическое хозяйство.

Эта классификація не даетъ ничего новаго; она оригинальна развѣ только тѣмъ, что переноситъ обыкновенно намѣчаемыя стадіи развитія отъ ремесла къ фабрикѣ въ обрабатывающей промышленности и на исторію развитія мелкаго крестьянскаго хозяйства. Схема эта, однако, совершенно противорѣчитъ самой исходной точкѣ зрѣнія автора, будто денежно-торговый капиталъ, которымъ обусловлены эти стадіи развитія, образо-

вывается изъ накопленныхъ ренгъ только для того, чтобы эксплуатировать того же землевладѣльца, который далъ основу для его возникновенія. Рѣзкое подраздѣленіе схемы на двѣ части: на исторію крупнаго и мелкаго хозяйства не даетъ еще автору права распространять единую схему обрабатывающей промышленности на исторію сельскаго хозяйства. Остается совершенно невыясненнымъ, переживало ли крупное и мелкое сельское хозяйство тоже стадію ремесленнаго производства, когда и какъ оно превратилось въ хозяйство на скупщика, и въ чемъ отличіе этого процесса для крупнаго и мелкаго хозяйства. Какъ увидимъ еще ниже, самъ авторъ примѣнительно къ крестьянскому хозяйству и самъ отрицаетъ существованіе первыхъ двухъ стадій развитія. Но особенно характерно, что въ самомъ текстѣ введенія, чтобы спасти свою точку зрѣнія о происхожденіи капитала изъ накопленныхъ рентъ, авторъ устанавливаетъ еще особую стадію развитія, которая совершенно не попадаетъ въ схему. На стр. 51 онъ утверждаетъ, что „всюду сопровождавшіе реформу (т. е. освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости) выкупные платежи, уплачиваемые помѣщикамъ, должны были имъ принести громадную выгоду“. На стр. 52 онъ пишетъ, что съ освобожденіемъ крестьянъ, „для организаціи земледѣлія на капиталистическихъ началахъ требовались большія денежныя средства. Отчасти они, какъ сказано, были получены помѣщичьимъ классомъ въ большинствѣ европейскихъ странъ(?) при освобожденіи крестьянъ. Но эти суммы были вообще невелики (?) и скоро исчерпаны, а для развитія производительности и интенсификаціи земледѣлія при капиталистическомъ производствѣ требовался большой капиталъ“. Землевладѣльцамъ пришлось прибѣгнуть къ кредиту. На стр. 53 авторъ полагаетъ, будто Родбертусомъ доказано, что ипотечная задолженность не связана съ употребленіемъ полученнаго капитала на производительныя цѣли и ипотечный кредитъ не производительный кредитъ. Чаще всего онъ связанъ съ наслѣдственными раздѣлами и идетъ на совершенно постороннія и

непроизводительныя цѣли. На стр. 61 къ еще большему своему удивленію читатель узнаетъ, что, „въ процессѣ мобилизаціи земли, въ ея ипотечной задолженности происходитъ лишь продажа ренты, а такъ какъ рента всегда возрастаетъ (?) и, превращенная въ капиталъ, вновь возрождается, то мобилизація земли и ея задолженность въ то же время для современнаго землевладѣльческаго класса являются средствами накопленія капитала. Какъ первоначальное накопленіе, продолжаетъ авторъ, создалось путемъ накопленія рентъ, такъ и теперь сходный процессъ совершается въ современномъ землевладѣніи.“

Достаточно прочесть эти выписки, чтобы убѣдиться, что теорія накопленія капитала составляетъ для автора какую то фантасмогорію. Положенія Родбертуса искажены до неузнаваемости; становится совершенно неизвѣстнымъ, относится ли утвержденіе автора только къ крупному или также къ мелкому хозяйству. Родбертусъ никогда не отрицалъ значенія ипотечнаго кредита; онъ старался отмѣтить только его современную неправильную организацію и притомъ разорящую современнаго землевладѣльца, а отнюдь не дающую ему возможность чрезъ продажу ренты накоплять капиталъ. Ипотечный кредитъ, совершаемый ради раздѣловъ, по его мнѣнію, разоряетъ сельское хозяйство и особенно мелкое, превращаетъ землю въ капиталъ, отдаетъ землевладѣльца въ руки ростовщиковъ, уничтожаетъ всякую возможность полученія ренты, а авторъ превращаетъ его глубокую скорбь въ какое то радостное явленіе накопленія капитала изъ всегда возрастающей ренты, что Родбертусъ также отрицалъ. Авторъ не задумывается надъ вопросомъ, почему накопленіе капитала изъ рентъ привело землевладѣльцевъ къ тому обстоятельству, что къ моменту освобожденія крестьянъ у нихъ не оказалось уже никакого капитала; онъ куда то исчезъ и имъ ради раздѣловъ, будто бы пришлось вновь накоплять капиталъ продажей земли. Не повѣрятъ автору и землевладѣльцы, которымъ послѣ освобожденія крестьянъ пришлось продавать землю,

будто они дѣлали это для новаго накопленія капитала. Не будучи въ состояніи приспособиться къ новымъ условіямъ производства и рынка, они продавали свою землю или ее продавали съ публичнаго торга не для накопленія капитала, а для спасенія послѣднихъ крохъ достоянія.

Авторъ совершенно забылъ, что его попытка прослѣдить аграрную эволюцію Россіи внѣ всякой связи со всѣми другими сторонами народнаго хозяйства, исходя изъ принятой имъ схемы, должна была вызвать естественное недоумѣніе читателя, для котораго процессъ накопленія рентъ представляется какимъ то безсмысленнымъ процессомъ самоуничтоженія самаго землевладѣльца. Написать даже „Очерки эволюціи сельскаго хозяйства“ совершенно невозможно, игнорируя совокупность всѣхъ условій экономической жизни и экономической политики въ разныя эпохи. Обособивъ эволюцію сельскаго хозяйства, своей схемой накопленія рентъ авторъ поставилъ себя самаго въ совершенно невозможное положеніе. Эта непродуманность введенія съ особою силою отразилась на двухъ первыхъ главахъ автора, разбирать которыя въ деталяхъ — это просто значило бы напрасно тратить время. Они не представляютъ собою какого либо изслѣдованія, а просто несистематичный, внѣ времени и пространства, механически скомпанованный наборъ непровѣренныхъ и непродуманныхъ цитатъ. Только съ третьей главы, когда авторъ забрасываетъ свою теорію происхожденія торговаго капитала изъ накопленныхъ рентъ и начинаетъ слѣдить за воздѣйствіемъ рынка на сельское хозяйство, его работа, несмотря на всѣ ея существенныя недочеты, начинаетъ пріобрѣтать интересъ. Для подтвержденія вышеуказаннаго мнѣнія, въ связи съ общей характеристикой введенія, объ этихъ двухъ главахъ надлежитъ сказать нѣсколько словъ, чтобы показать и автору, какъ ему слѣдовало бы вести свою работу, если бы онъ пожелалъ не утверждать, а доказывать свои положенія.

Прежде всего слѣдовало бы ему поставить себѣ вопросъ, можно ли на 38 страницахъ первыхъ двухъ главъ нарисо-

вать картину аграрной аволюціи Россіи съ доисторическихъ временъ и до Петра Перваго. Конечно нѣтъ. Правда, авторъ утверждаетъ, что экономическая исторія Россіи даже чисто описательная, разработана настолько же бѣднѣе западно-европейской насколько менѣе разработана и ея общая исторія (стр. 112), но здѣсь приходится протестовать. За послѣднее время историками брошено уже не мало свѣта въ экономическую исторію Россіи; авторъ же просто игнорируетъ ихъ труды, а самъ надъ этой исторіей никогда не работалъ самостоятельно.

На стр. 120 г. Лященко пишетъ: „Всѣ ли крестьяне въ древней Руси были лишены земельной собственности, снимая ее у частныхъ владѣльцевъ, или лишь болѣе или менѣе значительная часть, это обстоятельство, сколько оно ни важно, не можетъ измѣнить понятія о первоначальномъ положеніи крестьянина, какъ простаго съемщика-арендатора, а не какъ собственника земли. Когда произошло это обезземеленіе кореннаго (?) земледѣльческаго населенія едва ли можно опредѣлить. Можно предполагать, что оно должно было идти вмѣстѣ съ разложеніемъ первобытнаго родоваго быта, а такъ какъ этотъ родовой быть былъ утраченъ славянствомъ, повидимому, уже до занятія русской территоріи, то поэтому уже съ первыхъ страницъ русской исторіи мы встрѣчаемъ отмѣченное обезземеленіе населенія. Экспропріація его совершилась слѣдовательно въ до историческія времена (?)“ На слѣдующей страницѣ авторъ столь же смѣло утверждаетъ, что древне-русскій крестьянинъ соотвѣтствуетъ понятію „докапиталистическаго фермера“ (?), а не самостоятельнаго производителя. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ пестрѣютъ имена Бѣляева, Соколовскаго, Сергѣевича, Ключевскаго, Хлѣбникова и другихъ; читатель можетъ думать, что эти невозможныя утвержденія хоть малою своею частью содержатся въ ихъ трудахъ. Ничего подобнаго никто изъ нихъ говорить не могъ и достаточно двухъ трехъ примѣровъ, чтобы опорочить всю теорію автора и показать, что если бы теорія накопленія капитала изъ рентъ и имѣла нѣкоторое значеніе, то для установленія ея надобно было

еще много поработать надъ матеріаломъ въ разныя историческія эпохи.

Стоитъ открыть Курсъ русской исторіи проф. Ключевскаго и заглянуть хотя бы въ главы 10 и 15-ю перваго тома, чтобы поразиться, какъ могъ авторъ говорить о доисторической экспропріаціи крестьянъ и называть ихъ „докапиталистическими фермерами“, какъ могъ онъ изобразить князя и его дружину просто въ видѣ лицъ накопляющихъ ренты, какъ рѣшился онъ, какъ экономистъ, современное представленіе о рентѣ и фермерѣ относить къ этому отдаленному времени, однимъ почеркомъ пера отождествляя въ дальнѣйшемъ изложеніи Кіевскую и Московскую Русь, выбрасывая такъ легко за бортъ всѣ споры о задругѣ, родовомъ бытѣ, о тягостномъ, медленномъ и постепенно расширяющемся процессѣ закрѣпощенія населенія, о самыхъ формахъ пользованія землею въ разныя эпохи историческаго развитія. Трудно представить себѣ, какъ экономистъ могъ рѣшиться сказать, что вопросъ о томъ, всѣ ли крестьяне были обезземелены, не можетъ измѣнить нашего представленія о первоначальномъ положеніи крестьянина, какъ простаго „съемщика-арендатора“. Затрудняюсь понять также, какъ могъ авторъ одновременно утверждать, что экспропріація совершилась въ доисторическія времена и въ то-же время сообщать читателю, что „этотъ натуральный самоудовлетворяющійся строй, эта возможность смѣны занятій и придавали безсословный характеръ древнему обществу, не позволяя говорить собственно о промышленномъ или земледѣльческомъ населеніи, о крестьянствѣ или о другихъ его группахъ“ (стр. 114). Къ какому же времени относится такая характеристика?

Возьмемъ на удачу два примѣра: одинъ изъ Ключевскаго другой изъ Никитскаго, на которыхъ ссылается авторъ, и посмотримъ, имѣлъ ли право г. Лященко считать землевладѣльца единственнымъ создателемъ торговаго капитала изъ накопленныхъ рентъ и пользоваться употребляемыми имъ терминами по отношенію къ тогдашней дѣйствительности.

По мнѣнію Ключевскаго русское общество 11 и 12 вѣка дѣлилось на свободныхъ людей, служившихъ лично князю, на свободныхъ, не служившихъ князю и наконецъ на несвободныхъ, служившихъ частнымъ лицамъ. Среди свободнаго, неслужилаго населенія, простонародья онъ различаетъ два класса. Одинъ изъ нихъ смерды жили и работали на государственной землѣ, другой классъ составляли сельскіе рабочіе-наймиты, обрабатывавшіе полученные отъ хозяевъ участки хозяйскимъ инвентаремъ, бравшіе у землевладѣльца въ ссуду сѣмена, орудія и рабочій скотъ. Тотъ же Ключевскій полагаетъ, что почти весь десятый вѣкъ ушелъ на покореніе славянскихъ и иныхъ племенъ изъ Кіева, покореніе, сопровождавшееся обращеніемъ массы побѣжденныхъ въ „рабство“. Онъ рискуетъ даже утверждать, что первоначальнымъ основаніемъ для сословнаго дѣленія русскаго общества того времени повидимому послужило рабовладѣніе. По его же мнѣнію слѣды служилаго землевладѣнія появляются въ памятникахъ не ранѣе 11 вѣка и оно только впослѣдствіи провело грань между дружиной и городскимъ купечествомъ, которое первоначально владѣло землею, торговало всѣмъ, а въ частности весьма успѣшно и рабами. Самъ князь этого времени зимою правилъ, ходилъ по людямъ, побирался, а лѣтомъ торговалъ тѣмъ, что собралъ въ теченіи зимы. Эта собранная натурой дань состояла изъ произведеній лѣсныхъ промысловъ, мѣха, воска, меда. Къ этимъ товарамъ присоединялась челядь, добыча завоевательной дружины. Всѣ данныя говорятъ за то, что ростъ, процентъ на ссудный капиталъ былъ въ это время очень высокъ [1]).

На стр. 130—131 г. Лященко пишетъ: „извѣстно, что даже настоящіе купцы-профессіоналисты, крупные капиталомъ, окруженные почетомъ гости, встрѣчающіеся съ первыхъ страницъ русской исторіи, какъ особый и организованный классъ,

1) См. Ключевскій Курсъ русской исторіи, часть I, изд. 1904 г., стр. 180, 181, 299 и др.

не только не были представителями исключительно капитала, лишенными земельной собственности, но наоборотъ какъ и всѣ другіе члены городской и сельской общины . . . являлись землевладѣльцами. Такимъ образомъ, функціи даже профессіональнаго торговца были далеко не строго отдѣлены отъ землевладѣльца или вѣрнѣе этотъ послѣдній былъ почти всегда и торговцемъ. Тѣмъ болѣе, конечно, это необходимо сказать про тѣхъ представителей торговли и торговаго капитала, которые занимали совершенно иное общественное положеніе бояръ, намѣстниковъ, митрополитовъ, самаго царя. Всѣ они съ давнихъ поръ вели самую разнообразную и наиболѣе крупную торговлю, но они являлись въ тоже время наиболѣе типичными представителями класса крупныхъ землевладѣльцевъ.“ Въ подстрочномъ примѣчаніи сдѣлана ссылка на сочиненіе Никитскаго: Исторія Великаго Новгорода.

Посмотримъ же, что мы находимъ у Никитскаго. На стр. 94, изд. 1893 г. указаннаго труда Никитскій пишетъ: въ Великомъ Новгородѣ не было собственно говоря никакихъ ограниченій права торговли. Торговать могъ каждый, начиная отъ князя и кончая послѣднимъ простолюдиномъ. Изъ договоровъ съ князьями, какъ съ восточными, такъ и западными-литовскими, ясно видно, что какъ тѣ, такъ и другіе вели въ Новгородѣ на свой страхъ торговлю; только въ сношеніяхъ съ иноземцами они должны были прибѣгать къ посредству Новгородцевъ. Точно также и духовенство, какъ черное, такъ и бѣлое, никогда не брезгало увеличивать свои средства путемъ торговли. Что же касается до класса бояръ, то источники не представляютъ *прямыхъ указаній* на совершеніе ими торговыхъ операцій. Однако, кажется, должно допустить, что они пользовались своими излишками и пускали ихъ въ оборотъ для пріобрѣтенія себѣ предметовъ роскоши Западной Европы. Какъ бы то ни было, въ великомъ Новгородѣ существовалъ и *особенный* классъ купцовъ, ставившій торговлю главнымъ, если не исключительнымъ занятіемъ. На стр. 41, говоря о сосредоточеніи земли въ рукахъ класса

бояръ, Никитскій замѣчаетъ, что же касается до земледѣльцевъ собственно, то всѣ данныя говорятъ въ пользу того заключенія, что они совсѣмъ не знали никакой земельной собственности. Смерды образовали классъ, прямо противоположный земцамъ, а такъ какъ отличительною чертою земцевъ служило обладаніе отчиною, то ясно, что подъ смердами въ древности понимались люди, не имѣвшіе собственной земли и принужденные жить на чужой; но смерды не становились чрезъ это въ *подданическія* отношенія къ своимъ патронамъ [1]).

Достаточно и этихъ изъ выписокъ изъ Ключевскаго и Никитскаго, чтобы показать, какъ опасны, дѣлаемыя авторомъ обобщенія и какіе вопросы онъ долженъ былъ себѣ поставить для предварительнаго разрѣшенія, дабы пріобрѣсти право думать о справедливости своей теоріи. Въ сущности, съ самаго начала нашей исторіи мы замѣчаемъ какое то разчлененіе общества, которое съ ходомъ жизни все болѣе и болѣе рѣзко опредѣляется. Кіевскій князь правитъ, собираетъ дань натурой, торгуетъ и мечемъ добываетъ себѣ своихъ рабовъ. Но развѣ д а н ь можетъ быть экономически отождествлена съ понятіемъ ренты? Конечно нѣтъ; это особый видъ обложенія. Князь добываетъ рабовъ и торгуетъ ими, а впослѣдствіи и сажаетъ за работу. При продажѣ рабовъ, развѣ онъ реализируетъ свою ренту, а заставляя раба работать, получаетъ ли онъ только ренту? Князь пріобрѣтаетъ торговлей съ иноземцами большія выгоды, развѣ это тоже реализація ренты? Торгуютъ и землевладѣльцы - торговцы. Ростъ на капиталъ очень высокъ. Какъ устанавливается взаимоотношеніе между

---

1) Курсивъ сдѣланъ мною. А. М.

2) Ключевскій, l. c. стр. 299 обращаетъ вниманіе, что уже Русская Правда довольно отчетливо отличаетъ нѣсколько видовъ кредитнаго оборота. Гости, иногородные или иноземные купцы, „запускали товаръ“ за купцовъ туземныхъ, продавали имъ въ долгъ. Купецъ давалъ своему гостю, купцу земляку, торговавшему съ другими городами или землями, „куны въ куплю“, на комиссію, для закупки ему товара на сторонѣ; капиталистъ ввѣрялъ купцу „куны въ гостьбю“, для оборота изъ барыша. Существованіе этого „обособленнаго“ класса торговцевъ должно было бы

классомъ мужей князя и торговцами? По словамъ Никитскаго напр. бояре непосредственно не много занимаются торговлей, но не могутъ ли они, какъ и полагаетъ въ своей гипотезѣ Зомбартъ, пускать свои избытки въ дѣло чрезъ посредство торговаго класса, давая ему за высокій ростъ ссуды[2]). Голая схема, утверждающая, что рента идетъ на образованіе торговаго капитала ничего не стоитъ, если не дано тѣхъ промежуточныхъ звеньевъ, при посредствѣ которыхъ продуктъ, находящійся въ рукахъ того или другого класса, отчуждается на рынкѣ для пріобрѣтенія дохода. Авторъ долженъ былъ знать хотя бы изъ Родбертуса, что процессъ обособленія ренты и прибыли, какъ особыхъ источниковъ дохода, — это длительный историческій процессъ. Если же теоріи накопленія рентъ придать значеніе ученія, какъ это и сдѣлано авторомъ, гласящаго, что при земледѣльческомъ бытѣ основнымъ источникомъ *экономическаго избытка* является земля, то такая теорія не даетъ ровно ничего; тѣмъ болѣе, что собственно говоря никогда не было такого періода исторіи, когда на ряду съ добывающей промышленностью не были бы развиты и обработывающая промышленность, и торговля, когда эти послѣдніе не имѣли бы значенія въ дѣлѣ образованія экономическаго избытка. Г. Лященко совершенно не задумался надъ этими вопросами. Его же учитель К. Марксъ ясно сознавалъ, что иноземный оборотъ торговли въ первыя періоды исторіи доставлялъ немалые доходы и реализація земледѣльческаго продукта вовсе не была простою эксплоатаціею мѣстнаго населенія для накопленія изъ рентъ капитала. Чтобы рѣшить вопросъ о томъ, какъ создался торговый капиталъ, автору надлежало бы сначала внимательно прослѣдить, какъ вообще создался тотъ капиталъ землевладѣльца, который далъ

привлечь, казалось бы, особое вниманіе автора. Даже новѣйшая исторія купечества еще ждетъ своихъ изслѣдователей. По почину Н. А. Найденова было приступлено къ напечатанію архивныхъ документовъ, касающихся московскаго купечества, изъ которыхъ мнѣ, къ сожалѣнію, извѣстны только: „Матеріалы для исторіи московскаго купечества т. I и II, дающія переписныя книги 1, 2 и 3-й ревизіи (М. 1883, 1885 г.).

ему возможность первоначально имѣть раба, а потомъ и свободнаго человѣка поставить въ зависимое отъ себя положеніе, какую роль здѣсь играли чисто экономическія и политико-соціальныя причины, то „насиліе“, о которомъ такъ много говорилъ Марксъ даже для болѣе близкаго къ намъ періода.

Экономическое понятіе земельной ренты установлено при точно опредѣленныхъ условіяхъ образованія цѣнъ въ хозяйствѣ съ свободно борящимися классовыми интересами. Въ каждую историческую эпоху надо придать этому понятію своеобразное истолкованіе, а не оперировать имъ въ духъ Рикардо и въ тоже время отождествлять его вообще съ экономическимъ избыткомъ, незная сколько нибудь ясно объ условіяхъ его образованія въ древнѣйшія эпохи. Точно также наличность разнообразныхъ классовъ землевладѣльцевъ, наличность рабовъ, смердовъ и другихъ имѣющихъ мало земли, и совсѣмъ не имѣющихъ ея, не можетъ дать намъ основаніе утверждать, что какая то „экспропріація“ совершилась надъ какимъ то извѣстнымъ только автору „кореннымъ“ (?) населеніемъ уже въ до историческое время, когда не существовало даже, быть можетъ, представленія о земельной собственности. Самый терминъ экспропріація, которымъ авторъ такъ неосторожно пользуется, что даже на стр. 135 рѣшается говоритъ: „юридическимъ основаніемъ, права полученія и присвоенія рентъ была экспропріація сельскаго населенія“ (?) имѣетъ строго опредѣленный юридическій смыслъ; употребляя же его, какъ это дѣлается въ соціалистической литературѣ, примѣнительно къ длительному экономическому процессу, подъ вліяніемъ котораго чрезъ продолжительный періодъ времени сложились извѣстныя правовыя учрежденія, авторъ совершенно забылъ, что онъ считаетъ себя ученикомъ Маркса.

Г. Лященко вообще въ этихъ двухъ главахъ безъ труда дѣлаетъ обобщенія. Они выливаются иногда у него въ такую форму. Говоря о Московской Руси 16 и 17 вѣка, послѣ бѣглаго обзора данныхъ онъ пишетъ: „особой изолированности и замкнутости внутреннихъ рынковъ и тѣмъ болѣе полнаго

натуральнаго хозяйства и тогда внутри Россіи не существовало. Торговый обмѣнъ былъ вполнѣ — конечно, сообразно условіямъ эпохи — организованъ, находился большей частью въ *опредѣленныхъ* (?) рукахъ и хотя обстановка и условія его были малоподвижны и затруднительны, однако торговый механизмъ дѣйствовалъ все же довольно *правильно*“ (141); въ этомъ вопросѣ онъ самъ себѣ противорѣчитъ (см. стр. 138 и 144 стр. 141 и 143) и на стр. 143 пишетъ: „такимъ образомъ, хотя и можно сказать, что въ глубинѣ страны народное хозяйство характеризовалось, какъ „натуральное“, это должно быть понимаемо лишь въ абстракціи (??) и притомъ съ теченіемъ времени все съ большимъ ограниченіемъ“. Своеобразная поправка къ схемамъ Гильдебранда, Бюхера и Родбертуса! Самъ авторъ показываетъ далѣе, какъ увидимъ ниже, какъ неправильно организованъ былъ обмѣнъ въ началѣ 19-го вѣка и какъ много нарушеній онъ испытываетъ и наши дни. Да и что онъ понимаетъ подъ словомъ дѣйствовалъ правильно? Конечно, торговый бытъ соотвѣтствовалъ условіямъ времени и былъ таковъ, какимъ могъ бытъ. Но тогда въ жизни все правильно и можно такъ говорить, совершенно игнорируя всѣ тѣ кризисы, которыя переживала Московская Русь, всѣ тѣ разнообразныя условія, которыя однимъ несли бѣды, другимъ обогащеніе. Такія обобщенія также безплодны, какъ и гипотеза о накопленіи рентъ, если они не основаны на точномъ анализѣ фактовъ дѣйствительной жизни, въ ея многообразіи.

Въ заключеніе этой затянувшейся первой части отзыва добавлю только еще нѣсколько словъ. Я провѣрилъ много цитатъ автора и въ нихъ сказывается стремленіе автора не доказать, а только процитировать, и притомъ не точно. Уже съ первой цитаты на стр. 113 обнаруживается эта небрежность. Авторъ цитируетъ Струве и дѣлаетъ это потомъ не разъ и относитъ его статью къ 1901 г. между тѣмъ она напечатана въ трехъ книжкахъ Міра Божьяго 10, 11 и 12 за 1899 г. На стр. 124 онъ цитируетъ Акты Историко-Юрид.,

Tartu Ülikooli Raamatukogu

такихъ нѣтъ [1]), на стр. 129 онъ ссылается на III томъ труда Шторха, между тѣмъ Шторхъ трактуетъ объ этомъ предметѣ въ томѣ четвертомъ, но говоритъ совершенно иное; на стр. 139 онъ ссылается на номеръ 286 Полнаго Собранія Законовъ и утверждаетъ, что на совѣщаніи московскихъ бояръ было прянято опредѣленное рѣшеніе, между тѣмъ какъ этотъ номеръ говоритъ лишь о томъ, что боярамъ было предписано истребовать мнѣніе торговыхъ людей, каковое они и высказали; на стр. 142 онъ цитируетъ книгу Рожкова Сельское хозяйство и т. д. и отмѣчаетъ стр. 170 и слѣд., между тѣмъ это конецъ главы; интересующая его глава начинается съ 171 стр. страницы и читатель въ ней и на слѣдующихъ не можетъ найдти подтвержденія того, что говоритъ авторъ. Вообще и въ другихъ мѣстахъ книги авторъ любитъ цитировать лишь начало главъ писателей, которыми онъ пользуется, добавляя и слѣд. страницы. Нерѣдко на нихъ не приходится находить подтвержденія словамъ автора.

II.

Только съ третьей главы читатель вступаетъ въ ту часть изслѣдованія, которая, несмотря на всѣ ея недочеты и неполноту, представляетъ интересъ, какъ попытка вглядѣться въ прошлое русской экономической дѣйствительности. Можно сказать, что, если бы авторъ не увлекся желаніемъ прослѣдить аграрную эволюцію Россіи съ древнѣйшихъ временъ, изъ главъ 3-й и по 8-ю могла бы выйдти очень интересная и

1) Подъ редакціей Калачева издавался Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній и Акты относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Если принять, что это томъ III актовъ, то вся ссылка невѣрна. Такихъ случаевъ цитатъ не мало; иногда даже трудно разобрать, откуда авторъ ихъ заимствовалъ, одно можно утвердительно сказать не изъ первоисточника. Приходится въ такихъ случаяхъ только удивляться небрежности автора.

полезная работа. Авторъ долженъ былъ бы для этого не только съ исчерпывающей полнотой использовать наличный книжный и литературный матеріалъ, но и собрать новыя данныя, которыхъ еще такъ много лежитъ въ необработанномъ видѣ. Авторъ использываетъ однако только наличный матеріалъ разныхъ книгъ и статей, что при широтѣ его задачи, пожалуй, и не слѣдовало бы ставить ему въ вину, если бы онъ отнесся къ этому матеріалу съ большей тщательностью и критикой.

Глава 3. касается переходной и весьма любопытной эпохи нашего экономическаго развитія. Эта третья глава, озаглавленная: возникновеніе производительнаго капитала и торгово-промышленная политика въ 18-мъ вѣкѣ, фактически касается лишь второй половины этого вѣка. Какъ въ этой, такъ и въ слѣдующихъ главахъ г. Лященко, къ счастью, совершенно забываетъ о своей теоріи накопленія рентъ и слѣдитъ, главнымъ образомъ, за цѣнами, рынкомъ и отчасти за системами хозяйства.

Многіе изслѣдователи и до г. Лященко обратили вниманіе на то обстоятельство, что этотъ періодъ экономической жизни Россіи характеризуется начинающимся развитіемъ городской жизни, обрабатывающей промышленности, со второй трети 18-го вѣка необычайнымъ подъемомъ хлѣбныхъ цѣнъ. Это видоизмѣненіе условій хлѣбнаго рынка, казалось бы, должно было привлечь особенное вниманіе автора, тѣмъ болѣе, что ему въ слѣдующей главѣ приходится констатировать и другой фактъ, что съ 1819 г. и, какъ нѣкоторые думаютъ, почти на тридцать лѣтъ впередъ хлѣбныя цѣны испытали періодъ значительнаго пониженія, и будто вообще темпъ экономической жизни понизился. Авторъ долженъ былъ знать, что въ литературѣ существуетъ довольно категорическій, но не вполнѣ обоснованный взглядъ, что этотъ подъемъ цѣнъ слѣдуетъ объяснять „помимо случайныхъ причинъ (неурожаевъ, воинъ и т. п.)“ чрезвычайно быстрымъ развитіемъ внутренняго рынка для сельскаго хозяйства, успѣхами на-

ціональнаго раздѣленія труда [1]), прогрессомъ неземледѣльческаго производства.

Авторъ склоненъ признавать, опираясь на Щербатова, [котораго отмѣтимъ между прочимъ онъ цитируетъ (на стр. 155—156) съ существенными пропусками и не извѣстно зачѣмъ видоизмѣняя своеобразный языкъ этого писателя], что въ нечерноземной области произошло паденіе земледѣльческой культуры, а въ городахъ [2]) этой области сильно скопилось населеніе съ большими средствами, значительно развившее потребленіе, какъ съѣстныхъ припасовъ, такъ и производившее громадные траты на всяческія предметы роскоши.

Въ тоже время на стр. 158 авторъ утверждаетъ, что хлѣбное производство вообще не отставало и на стр. 157 полагаетъ, что, главнымъ образомъ, затруднительностью снабженія и обмѣна слѣдуетъ объяснять тотъ ростъ цѣнъ, который обнаруживается не только въ концѣ 18-го вѣка, но уже начинается съ 17-го вѣка. Это объясненіе, расширяющее проблему, нисколько не объясняетъ даннаго явленія. Авторъ самъ констатируетъ на стр. 157 и 158, что это повышеніе цѣнъ особенно интенсивно чувствуется именно во вторую треть 18-го вѣка и цитируетъ Щербатова, согласно которому четверть ржи въ 1760 г. продавалась за 86 коп., въ 1763—95,

---

1) См. Основные моменты въ развитіи крѣпостнаго хозяйства въ Россіи въ 19-мъ вѣкѣ, Міръ Божій, ноябрь, 1899 г., стр. 284. Въ „Очеркахъ аграрной эволюціи“ г. Лященко слѣдовало оцѣнить вліяніе и неурожаевъ, обративъ вниманіе на любопытную работу свящ. Словцова „Историческое и статистическое обозрѣніе неурожаевъ въ Россіи“, напечатанное въ III кн. Сборника статист. свѣдѣній о Россіи (1858) и получившее половину назначенной преміи. Эта была первая работа по данному вопросу. Авторъ вычислилъ, что въ Россіи къ 1024 по 1854 г. было 130 неурожаевъ всякаго рода; всеобщихъ же не болѣе десяти, въ томъ числѣ неурожаи 1716, 1722, 1839 и 1850 г.

2) Въ примѣчаніи на стр. 152 авторъ ссылаясь на Милюкова пишетъ: До Петра городское населеніе Россіи насчитывало 292 тыс., послѣ Петра уже 802 тыс. Ссылка невѣрна; тамъ стоитъ въ городское населеніе въ 1724 г. было 328 г., въ 1782 г., а не послѣ Петра 802 г. Какъ извѣстно населеніе по первой ревизіи исчислялось въ 14 мил. по 4-й—1782 г. 28 милліоновъ т. е. по даннымъ ревизій удвоилось!

въ 1773 уже 2 р. 19 коп., а нынѣ уже и до семи рублей дошла [1]).

Авторъ и не могъ дать правильнаго рѣшенія этого вопроса; онъ поступилъ методологически неправильно, не выяснивъ первоначально точно, насколько обнаружился подъемъ цѣнъ, въ какихъ мѣстахъ и въ какое время. Только послѣ такой работы онъ могъ уже трактовать о причинахъ этого явленія. Тогда бы онъ убѣдился, что его мнѣніе только отчасти правильно.

Я не имѣю возможности останавливаться подробно на изученіи состоянія цѣнъ въ это время, не долженъ всетаки сдѣлать нѣкоторыя указанія, которыя авторъ безъ труда могъ найдти. Прежде всего авторъ долженъ былъ принять во вниманіе, что въ самомъ движеніи русскихъ цѣнъ за это время были два разныхъ періода. Щербатовъ говорилъ о цѣнахъ въ Московск. губерніи, на Гжатскихъ пристаняхъ до 1787 г. Но уже въ другомъ своемъ сочиненіи „Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба въ началѣ 1788 года“ [2]) обращаетъ вниманіе на чрезмѣрность въ выпускѣ ассигнацій, что вызвало исчезновеніе благороднаго металла изъ обращенія и повышеніе цѣнъ. Щербатовъ любопытный нашъ представитель количественной теоріи денегъ. „Монета, пишетъ онъ, нѣсть товаръ, но знакъ вещей, а потому уменьшить настоящую цѣну монеты, се есть возвысить цѣну на вещи“ ... На возвышеніе цѣнъ подъ вліяніемъ выпусковъ ассигнацій послѣ

---

1) Авторъ неточно цитируетъ къ 1790; эта работа Щербатова относится къ 1787 г. Въ изданіи сочиненій Щербатова грубая опечатка 1878 г.

2) см. Сочиненія князя М. М. Щербатова, т. I, Спб. 1896 г., 683—720, также стр. 691, 688. Говоря о голодѣ онъ старается доказать, что его можно было предвидить по слѣдующимъ явленіямъ, а именно: 1. По запустѣнію великаго числа монастырскихъ лучшихъ земель. 2. *По выпашкѣ земли въ плодороднѣйшихъ областяхъ.* 3. *По умноженію населенія* и по недостатку по числу народа земли. 4. По пустотѣ многихъ областей, гдѣ наиплодороднѣйшая земля находится. 5. По раздачѣ безразсудного множества такихъ пустыхъ земель безъ обязательства учинить на нихъ селенія. 6. По великому числу работниковъ, отставшихъ отъ

1787 г. обращаетъ вниманіе и другой писатель той же эпохи Болотовъ [1]), который въ своихъ запискахъ пишетъ: „богатство всего государства обратилось въ бумажное и состояло въ однихъ ассигнаціяхъ, послѣдствіемъ было то, что цѣна на всѣ вещи поднялась и все вздорожало". Такимъ образомъ автору надлежало прежде всего разбить исторію цѣнъ этого періода на двѣ группы и оцѣнить, какое значеніе въ обмѣнѣ товаровъ играло это обезцѣненіе, и это тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи этотъ вопросъ очень правильно трактовалъ Шторхъ. Мало того, автору должно было быть извѣстно изъ статьи Заблоцкаго-Десятовскаго [2]), что цѣны ржи и пшеницы испытывали поразительныя колебанія по мѣстамъ. Вотъ маленькое извлеченіе изъ таблички Заблоцкаго.

	Ц Ѣ Н А пшеницы	ржи
Въ Каширскомъ уѣздѣ (1766 г.)	1 р. 50 к.	— р. 80 к.
Москва (1766 г.)	1 „ 80 „	1 „ — „
Ингерманландія (1765 г.)	3 „ — „	2 „ — „
Кашинскій уѣздъ (1774 г.) . . .	2 „ 40 „	1 „ 60 „
Рыбинскъ (1780 г.)	3 „ 80 „	1 „ — „
Владимірск. губ. 1769 г.	1 „ 80 „	— „ 90 „

Если бы авторъ заглянулъ въ Курсъ Шторха (т. II, стр. 219), онъ нашелъ бы, что, основываясь на сообщеніяхъ Палласа и Фалька, этотъ писатель сообщаетъ о такихъ коле-

---

пашни и отшедшихъ въ города для работъ. 7. По вкрадшемуся отъ сего сластолюбію и лѣности во крестьянахъ. 8. *По недостатку у помѣщиковъ людей, чтобы имѣть смотрѣніе, за пахотными деревнями.* 9. По умноженію винной курки и корчемства. 10. *По выпуску хлѣба въ чужіе края.* 11. По незаведенію вездѣ магазиновъ. 12. По ежегодному возвышенію цѣнъ на хлѣбъ..... Автору слѣдовало внимательно отнестись къ жалобамъ тогдашняго аграрія, особенно къ подчеркнутымъ мною курсивомъ.

1) см. Русскій Архивъ 1864 г., стр. 702. Цитовано въ монхъ: Деньги, Москва, 1895 стр. 576. Тамъ же изложены мнѣнія Шторха.

2) см. А. Заблоцкій. Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи, статья напечатанная въ Отечеств. Запискахъ за 1847 г., цитую по отдѣльному оттиску, стр. 7.

баніяхъ цѣнъ того времени. Ржаная мука въ Красноярскѣ въ 1772 г. продавалась по три копѣйки за пудъ, пшеничная по 5, въ Тобольскѣ первая по 11, вторая по 23. Съ 1797 г. по 1803 г. рожь въ Кіевѣ продавалась за 23 коп. пудъ, въ Тамбовѣ 27, въ Астрахани 46, въ Москвѣ 62, въ Петербургѣ 90 коп. на ассигнаціи. По даннымъ того же Шторха, въ приложеніи къ шестому тому, пшеница при вывозѣ изъ С.-Петербурга въ 1803 г. продавалась за четверть на ассигнаціи за 10 руб., въ 1811 г. за 20 руб., въ 1814 за 28 р., а на серебро въ то же время 8 р., 5 р. и 7 р. т. е. въ 1811 г. она понизилась въ цѣнѣ на серебро на $37\frac{1}{2}$, а въ 1814 на $12\frac{1}{2}\%$. Изъ того же курса Шторха авторъ могъ бы узнать, что во всей Европѣ вторая половина 18 вѣка и начало 19 вѣка были періодомъ высокихъ цѣнъ вообще. По словамъ Шторха цѣна пшеницы въ Англіи и на наши деньги за четверть въ первую половину вѣка была 5 руб. 82 коп., во вторую 8 руб. 17 коп. Взявъ хотя бы общеизвѣстный индексъ цѣнъ Джевонса для 40 классифицированныхъ товаровъ, авторъ могъ бы получить нижеслѣдующую таблицу, которая могла бы быть полезной для его соображеній, какъ въ этой, такъ и въ послѣдующихъ главахъ. Вотъ эта таблица:

Цѣны 1782 = 100.

годы	металлы	мясные прод.	хлѣба	Колоніальн. тов.	общая средняя
1782	100	100	100	100	100
1783—90	95	102	109	88	91
1791—1800	116	119	135	86	112
1801—1810	150	157	170	81	133
1811—1820	124	134	166	72	115
1821—1830	102	97	135	56	88
1832—40	91	96	134	53	83
1841—50	88	76	127	42	73
1851—60	97	84	132	39	79
1861—69	93	105	128	40	77

Приведенныхъ данныхъ конечно недостаточно, чтобы характеризировать движеніе цѣнъ того времени. Онѣ нуждаются въ кардинальной провѣркѣ, но историкъ аграрной эволюціи долженъ былъ произвести эту работу, чтобы сдѣлать сколько нибудь правильныя заключенія. Въ это время и въ Европѣ происходили громадныя видоизмѣненія, какъ въ условіяхъ производства, такъ и товаро-обмѣна. Достаточно указать, что въ это время мы начинаемъ терять въ Англіи желѣзный рынокъ. Еще въ 1793—95 гг. мы вывозили въ Англію 2965 пудовъ желѣза, въ 1801—4 гг. уже только 1578, до 1840 г. вывозъ колебался не ниже 1052, а къ 1842—46 спустился до 779.

Авторъ не оцѣнилъ совершенно вліяній видоизмѣненія въ международномъ обмѣнѣ и въ строѣ хозяйствъ тогдашняго времени.

Не отнесся авторъ внимательно даже и къ мѣропріятіямъ Екатерины Второй въ дѣлѣ установленія свободнаго торга хлѣбами, какъ внутри, такъ и внѣ государства. На стр. 166 авторъ пишетъ: „Екатерина еще рѣшительнѣе провозглашаетъ право безусловной свободы торговли. Послѣ предоставленія въ жалованной грамотѣ дворянству оптомъ торговать, что въ деревняхъ родится, въ особомъ манифестѣ подтверждается право свободной торговли. Авторъ дѣлаетъ ссылку на № 16576. Если бы онъ заглянулъ въ этотъ номеръ, то увидѣлъ бы, что онъ говоритъ объ употребленіи денегъ на дрова и свѣчи для содержащихся подъ стражей. Ему надо было сослаться на № 16578 и если бы прочелъ его, то не назвалъ бы его торжественнымъ манифестомъ. Конечно, пунктами 32 акта о правахъ и вольностяхъ дворянства и 24 акта о выгодахъ городовъ устанавливается свобода внутренняго обмѣна, а для дворянъ и отпуска хлѣба за границу. Это разрѣшеніе вывоза хлѣба за границу было, однако, далеко не безусловнымъ[1]);

1) Самъ авторъ пересматривая къ сожалѣнію слишкомъ бѣгло всѣ ограниченія въ вывозѣ и ввозѣ хлѣбовъ, на стр. 169 пишетъ: „и такъ свобода торговаго оборота и полное открытіе внѣшняго рынка, на бумагѣ

Екатерина II отнюдь не сразу вступила на этотъ путь. Тотчасъ по вступленіи на престолъ актомъ 1 іюля 1762 г. она оставляетъ за собой, на ряду съ провозглашеніемъ свободы обмѣна, весьма широкія полномочія по регулированію хлѣбной торговли въ интересахъ народнаго продовольствія и арміи. Этимъ указомъ разрѣшается вывозить рожь и пшеницу ото всѣхъ портовъ съ половиной пошлины противъ той, которая собирается въ Рижскомъ, Ревельскомъ и Перновскомъ портахъ, а также на островѣ Эзелѣ, однакожъ при всѣхъ изъ Россіи отпускахъ хлѣба требуетъ соблюденіе указа Петра I отъ 1713 г. Вывозъ изъ Архангельска дозволяется только въ такое время, когда оный будетъ покупной цѣной въ Московской губерніи и окружныхъ городахъ ниже рубля или рубль за четверть ржи, а отъ Спб. только тогда, когда здѣсь по сложности пяти лѣтъ подрядныхъ и покупныхъ цѣнъ будетъ ржаная мука въ 9 пудъ куль 1 р. 56 к., крупа въ 8 пуд. 16 ф. 1 р. 96 коп., пшеничная мука 2 р. 56 к. четверть. Въ Остзейскихъ губерніяхъ требуется принять во вниманіе среднюю за десять предшествовавшихъ лѣтъ, и только свободный вывозъ польскаго хлѣба разрѣшенъ. Только съ 1770 г. на 15 лѣтъ, въ поощреніе посѣва пшеницы разрѣшенъ безпошлинный ея вывозъ изо всѣхъ портовъ, исключая Лифляндскихъ и Финляндскихъ, и дозволено не оставлять одной пятой общаго ея вывоза запасомъ въ Архангельскомъ портѣ. Только съ 1782 г. допущена свобода вывоза не только пшеницы и ржи, но гороха, овса, ячменя, крупы, солода, гречи съ платежемъ пошлины по тарифу и съ соблюденіемъ предосторожностей, кои предписаны для оскудѣнія хлѣба гдѣ либо внутри государства. Въ періодъ съ 1778 г. вывозъ хлѣбовъ особенно оживился, какъ показываетъ и самъ авторъ на стр. 170, и ему слѣдовало бы оцѣнить внимательнѣе и зна-

---

провозглашенные еще въ срединѣ (??) 18 вѣка, лишь къ наступленію 19 столѣтія могутъ считаться дѣйствительнымъ фактомъ“. Надо было внимательно прочесть П. С. З. № 15, 123, 15, 517, 16, 201, 16, 578, 16, 144.

ченіе этого вывоза, и вліяніе обезцѣненія валюты. Слѣдуетъ поэтому признать, что вопросъ о причинахъ и предѣлахъ видоизмѣненія цѣнъ, о послѣдовательномъ развитіи свободы внутренняго и внѣшняго торга хлѣбами г. Лященко только намѣченъ, но не объясненъ и не обслѣдованъ. Какъ отразилась эта благопріятная коньюнктура на интересахъ землевладѣльцевъ и на всемъ государствѣ г. Лященко не указываетъ.

Въ главѣ четвертой авторъ переходитъ къ 19 вѣку. Эта глава начинается довольно неожиданнымъ заявленіемъ автора, что тѣже *политическія* событія, которыя произвели крупныя видоизмѣненія въ западно европейскомъ сельскомъ хозяйствѣ, не остались безъ вліянія и на положеніи русскаго земледѣлія (?) По мнѣнію автора, эти событія, подорвавшія благосостояніе помѣщичьяго класса, жившаго доселѣ въ городахъ (?), заставили его вернуться въ деревню и обратить вниманіе на сельское хозяйство. Началось увлеченіе раціональнымъ сельскимъ хозяйствомъ, поднялись вопросы о формахъ барщины и оброка, но, въ конечномъ результатѣ, все увлеченіе раціональнымъ сельскимъ хозяйствомъ оказалось убыточнымъ и привело лишь къ экстенсивному расширенію зерноваго хозяйства, посѣвной площади подъ зерновыми хлѣбами. Фактъ увлеченія раціональнымъ хозяйствомъ и экстенсивное расширеніе земельной площади подъ обработкой подмѣченъ авторомъ на основаніи работъ тогдашнихъ авторитетовъ, повидимому, правильно, но его объясненія внушаютъ множество сомнѣній. Какъ показываетъ и самъ авторъ въ слѣдующей главѣ чисто экономическія, а не политическія причины видоизмѣнили ту коньюнктуру, которая такъ благопріятствовала, быть можетъ, сельскому хозяйству и приблизительно до 1819 г. вызывала ростъ хлѣбныхъ цѣнъ [1]).

1) Надлежитъ отмѣтить еще одну любопытную особенность изложенія автора при изслѣдованіи вопроса объ эволюціи сельскаго хозяйства; вліяніе таможенныхъ тарифовъ 1757, 1782, 1797, 1819, 1822, 1850 и 1857 и слѣд. годовъ онъ совершенно игнорируетъ.

Къ сожалѣнію, и въ этой сравнительно болѣе удавшейся автору главѣ встрѣчаются иногда странные недосмотры. Такъ на стр. 178, основываясь на исчисленіяхъ Арсеньева и Тенгоборскаго, авторъ говоритъ о совершившемся въ эту эпоху вытѣсненіи луговъ пашней. По своему частому и неправильному обыкновенію онъ не отмѣчаетъ страницъ сочиненій этихъ авторовъ, у которыхъ заимствуетъ данныя. Стоитъ, однако, заглянуть въ часть первую и на страницу 81 труда Тенгоборгскаго, чтобы убѣдиться, что дополнительная таблица № 3, дающая числительное отношеніе пространства луговъ къ пахатной землѣ переписана имъ совершенно невѣрно или взята у кого либо другого, кто ее перепуталъ. Цифры, приведенныя авторомъ невѣрны и должны читаться въ порядкѣ послѣдовательности губерній, взятыхъ у автора, такимъ образомъ: 65,2, 26,5, 81,5, 59,3, 25, 15,8, 23,8, 77,0, 185,4 т. е. изъ всѣхъ взятыхъ цифръ переписаны правильно только двѣ. Данныхъ приведенныхъ по Арсеньеву, такъ какъ у него нѣтъ одной сводной таблицы и приходится провѣрять по разнымъ мѣстамъ, я за недостаткомъ времени не провѣрялъ. Мало того, что эта табличка не даетъ истиннаго представленія о совершившихся видоизмѣненіяхъ, но она въ то же время и не полна, потому что взяты не всѣ губерніи; Тенгоборскій даетъ данныя для 51 губерніи. Ссылки на другихъ писателей во второмъ примѣчаніи также даны безъ отмѣтки страницъ и за отсутствіемъ означенныхъ книгъ въ нашей библіотекѣ я ихъ не провѣрялъ [1]).

Въ главѣ пятой авторъ стремится подвести итоги крѣпостнаго хозяйства въ Россіи. Въ этой весьма интересной главѣ авторъ, пользуясь трудами Тенгоборскаго, Протопопова, Вилькенса, Веселовскаго, Заблоцскаго и друг., опредѣляетъ размѣры хлѣбнаго производства и объясняетъ причины паденія цѣнъ, которое началось по мнѣнію Фомина съ 1819 г. Фоминъ, работа котораго была издана въ 1824 г. и получила

1) Имѣются въ этой главѣ и другія неточности и небрежности.

премію академіи наукъ по отзыву Шторха и Германа, констатировалъ пониженіе цѣнъ „во всѣхъ портахъ и во всѣхъ мѣстахъ, которыя продовольствуются не мѣстнымъ произведеніемъ, но хлѣбомъ производимымъ въ другихъ губерніяхъ и гдѣ ходячая цѣна есть сложная изъ урожаевъ нѣсколькихъ губерній". Авторъ останавливается на взглядахъ Швиткова, Фомина, Муравьева, Веселовскаго, Вилькенса, Заблоцкаго, Мальцева и нѣкоторыхъ другихъ. Слѣдуетъ одобрить автора, что онъ ознакомилъ читателей съ взглядами этихъ русскихъ экономистовъ; но прежде чѣмъ указать, сдѣлалъ ли онъ правильное заключеніе о пережитомъ въ Россіи видоизмѣненіи цѣнъ необходимо отмѣтить, что взгляды этихъ авторовъ не всегда излагаются имъ полно и точно. Относительно Фомина надлежало бы отмѣтитъ, что будучи защитникомъ устраненія крѣпостнаго права онъ былъ противникомъ всякаго вмѣшательства въ структуру цѣнъ и полагалъ, что „терпящіе убытки отъ низкихъ цѣнъ сами при первой возможности послѣдуютъ указаніямъ опыта и перемѣнятъ направленіе производительныхъ силъ, памятуя, что предразсудки и привычки у нѣкоторыхъ народовъ удерживаютъ методы дорогіе и трудныя, тогда какъ у другихъ введены простыя и дешевыя" [1]). Эта мысль, какъ увидимъ ниже заслуживала вниманіе, ибо обращала вниманіе на значеніе производительности труда и у Заблоцкаго получила характерное для Россіи, но неправильное истолкованіе.

На стр. 197 авторъ, приводя таблицу Протопопова, къ тому же съ тремя опечатками и не раздѣляя ее, какъ сдѣлано у автора по губерніямъ съ недостаточнымъ и изобильнымъ количествомъ хлѣба, стремится только показать тѣ колебанія, которыя существовали въ цѣнахъ по мѣстамъ. Приводя только немногія изъ отмѣченныхъ Протопоповымъ губерній онъ въ тоже время совершеннно оставляетъ въ сторонѣ ту цѣль, ради которой была, отчасти, составлена эта таблица. Въ это время

1) см. Спб. 1829 г., стр. 25.

шелъ любопытный споръ, отчего въ мѣстахъ съ недостаточнымъ количествомъ хлѣба цѣны болѣе устойчивы.

На стр. 198 авторъ цитируетъ мнѣніе Веселовскаго и отмѣчаетъ лишь его соображенія о необычайно колеблемости цѣнъ, о которой говорится уже и на основаніи приведенной таблицы Протопопова, между тѣмъ тотъ же Веселовскій говоритъ и еще объ одной причинѣ, а именно „о несоразмѣрности продажныхъ цѣнъ на земледѣльческія произведенія съ тою стоимостью, во что они обошлись производителю". Тотъ же Веселовскій въ своихъ статьяхъ доказываетъ, что жалобы на постоянное пониженіе цѣнъ не основательны и что съ 1824 г. они постоянно повышались [1]).

На стр. 198—199 авторъ утверждаетъ, будто Мальцевъ создалъ проэктъ монополизаціи хлѣбной торговли. Между тѣмъ его проэктъ, разобранный подробно въ извѣстной автору статьѣ Заблоцкаго [2]), сводился къ слѣдующему. Для того, чтобы удержать умѣренныя цѣны, полагалъ Мальцевъ, необходимо дать возможность хлѣбопашцу при общемъ изобиліи получить деньги, необходимыя для уплаты податей, оставляя часть хлѣба въ селеніи до того времени, когда онъ потребуется въ другія мѣста и когда отдаленнымъ извозамъ будутъ благопріятствовать дороги и цѣнность хлѣба. Для этого онъ рекомендавалъ выдавать изъ приказовъ общественнаго призрѣнія подъ обмолоченную и высушенную рожь, ссыпаемую въ магазины, устроенные при селеніяхъ, ссуды, по установленной для каждой мѣстности цѣнѣ. Эти ссуды не должны были превышать 8 рублей на ревизскую душу и выдаваться помѣщикамъ изъ 4%. Ни о какой монополизаціи хлѣбной торговли, такимъ образомъ, Мальцевъ не говоритъ, а хочетъ организовать лишь кредитъ подъ готовый хлѣбъ [3]).

---

1) Журналъ Мин. Госуд. Имущ., часть 15, стр. 76. Вообще авторъ почти не воспользовался этой интересной работой и ссылка только выхвачена изъ конца главы.

2) См. Заблоцкой, l. c., стр. 16—17.

3) Неточно излагаетъ авторъ и Швиткова, говоря, что онъ „нена-

Непонятно также, почему авторъ не воспользовался сочиненіями Тенгоборскаго и особенно трудомъ Небольсина, сочиненіе котораго „Статистическое Обозрѣніе внѣшней торговли Россіи“, удостоенное полной преміи Жуковскаго, представляетъ одно изъ самыхъ капитальныхъ изслѣдованій этого времени.

Это недостаточно вдумчивое изученіе даже книжныхъ матеріаловъ вызвало то, что и самый взглядъ автора на явленіе видоизмѣненія цѣнъ и на кризисъ крѣпостнаго хозяйства оказался неяснымъ и неубѣдительнымъ.

На стр. 201 авторъ категорически утверждаетъ, что въ существовавшемъ перепроизводствѣ хлѣба, въ превышеніи предложенія надъ спросомъ, было повинно почти (?) исключительно помѣщичье производство. Оно же по его мнѣнію было виною и пониженія цѣнъ и ихъ неустойчивости. На стр. 196 авторъ пишетъ, что“ если внимательнѣе посмотрѣть ходъ хлѣбныхъ цѣнъ за цѣлый рядъ лѣтъ, начиная 19-го вѣка, то окажется, что онъ обнаруживаетъ не столько общую тенденцію *къ пониженію* (??), сколько крайнюю неравномѣрность и неустойчивость.

Я вполнѣ сочувствую замѣчанію автора, что ему слѣдовало бы внимательно заглянуть въ самый ходъ движенія хлѣбныхъ цѣнъ и въ портахъ, и на мѣстныхъ, русскихъ рынкахъ. Онъ повторилъ здѣсь туже свою ошибку, что и въ предшествовавшей главѣ. Онъ не ознакомилъ читателя предварительно обсужденія причинъ пониженія цѣнъ съ характеромъ общаго ихъ движенія, а, кромѣ того, отнесся съ слишкомъ

ходитъ лучшаго, какъ рекомендовать „торговыхъ людей въ городахъ убавить“. Авторъ могъ бы отчасти считать Шватковъ своимъ предшественникомъ. Онъ врагъ денежно-торговаго капитала и его эксплоатарскаго значенія, стачекъ торговцевъ, откуповъ. Онъ соглашается, что тамъ, гдѣ имѣется свободная конкуренція при множествѣ торговцевъ и цѣны сходные, но „это дѣльно относить на тѣ края, въ которыхъ даже на торгахъ и ярмаркахъ у торговцевъ нѣтъ торговой компаніи, а слѣдовательно и вмѣстѣ стачки (стр. 131). Онъ обвиняетъ даже правительственныхъ чиновниковъ въ стачкѣ съ торговцами въ портахъ, изъ которыхъ будто бы вдесятеро или всотеро больше вывозится сравнительно съ тѣмъ, что разрѣшено (стр. 127).

большимъ довѣріемъ къ исчисленіямъ самаго перепроизводства хлѣбовъ въ это время. Онъ поступилъ бы методологически гораздо правильнѣе, если бы далъ читателю предварительно общій обзоръ движенія цѣнъ хотя бы съ 1819 по 1850 г. Въ трудахъ Заблоцкаго, Тенгоборскаго и Небольсина онъ могъ бы найдти цѣлый рядъ готовыхъ и интересныхъ таблицъ [1]). Ему прежде всего пришлось бы убѣдиться, что и въ Западной Европѣ послѣ 1818 г. произошло крупное видоизмѣненіе цѣнъ, отчасти не безъ вліянія обостренія англійской хлѣбной политики. По даннымъ приведеннымъ въ таблицахъ Фомина онъ нашелъ бы, что цѣны въ іюнѣ на Гамбургскомъ рынкѣ съ 1818 по 1827 годъ колебались, какъ ниже слѣдуетъ:

годы	Въ талер. кур. за ластъ пшеница	рожь
1818 . . .	отъ 135 до 223	отъ 104 до 132
1819 . . .	„ 117—145	„ 112—128
1820 . . .	„ 86—125	„ 79— 81
1821 . . .	„ 42—120	„ 36— 48
1822 . . .	„ 50—110	„ 42— 52
1823 . . .	„ 60—116	„ 60— 69
1824 . . .	„ 34— 90	„ 34— 43
1825 . . .	„ 60— 75	„ 53— 58
1826 . . .	„ 44— 77	„ 40— 46
1827 . . .	„ 65—100	„ 65— 73

1) Не обратилъ никакого вниманія авторъ и на любопытную работу Ѳ. А. Тернера. Движеніе внѣшней торговли Россіи съ 1853 по 1856 г., въ которомъ, дополняя изслѣдованія Тенгоборскаго, авторъ стремится оцѣнить вліяніе на состояніе нашей торговли таможенной реформы Р. Пиля, кризисовъ 1847 и 1853 г., 1855 г. и, наконецъ, севастопольской компаніи, которая, по его мнѣнію, „должна была оставить глубокіе слѣды въ условіяхъ существованія и въ движеніи нашей внѣшней торговли“. Это изслѣдованіе напечатано въ книжкѣ III „Сборника Статистическихъ свѣдѣній о Россіи, Спб., 1858 г.; тамъ же въ книгѣ I и „трудъ Заблоцкаго“ Сравнительное Обозрѣніе о внѣшней торговлѣ Россіи съ 1824 по 1848 г.“

Насколько позволяютъ мнѣ судить наличныя у меня данныя, самый рѣзкій періодъ пониженія цѣнъ продолжался повсемѣстно не далѣе 1813—1830 г. Уже съ 1827 г. цѣны пошли на повышеніе. Это повышеніе было колеблющимся, но неукоснительно двигавшемся впередъ [1]).

Споры о пониженіи цѣнъ у насъ шли вплоть до приступа къ освободительной роформѣ. Въ 1847 г. въ Отечественныхъ Запискахъ появилась работа А. Заблоцкаго: Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи. Того же вопроса авторъ этой статьи коснулся и въ запискѣ своей о крѣпостномъ правѣ, которая была написана въ 1841 г. и впослѣдствіи отпечатана въ приложеніи къ четвертому тому труда Заблоцкаго: Графъ Киселевъ и его время, Спб. 1882 г. Эта работа въ свое время обратила на себя большое вниманіе. Она была написана типичнымъ представителемъ идей экономическаго либерализма на народнической подкладкѣ. Обсуждая исчисленія Протопопова, который полагалъ, что при среднемъ производствѣ хлѣба въ 250 милліоновъ четвертей остатокъ ежегоднаго урожая долженъ составлять $12^1/_2$ мил. четв., Заблоцкій пишетъ [2]): „Остатокъ $12^1/_2$ мил. четвертей составляетъ только одну тринадцатую часть количества нужнаго на годовое продовольствіе и на винокуреніе т. е. менѣе чѣмъ сколько потребно для внутренняго потребленія въ одинъ мѣсяцъ. Этотъ излишекъ самъ по себѣ весьма незначителенъ для государства исключительно земледѣльческаго. Въ самомъ дѣлѣ, Франція, покупающая у насъ хлѣбъ ежегодно, въ средніе годы, имѣетъ значительнѣйшіе остатки, такъ въ 1844 году,

1) Изъ исторіи цѣнъ авторъ долженъ былъ бы знать, что недостаточное возвышеніе цѣнъ и колебательное положеніе рынка часто истолковывается производителями, какъ глубокій упадокъ цѣнъ, въ особенности при видоизмѣненіи издержекъ производства и слабомъ ростѣ производительности труда. Онъ позабылъ также, что послѣ перваго необычайнаго разцвѣта капиталистическаго хозяйства во всей Европѣ къ срединѣ тридцатыхъ годовъ неизбѣжно должно было временно произойти пониженіе темпа капиталистическаго развитія.

2) l. c., статья 2-я. стр. 9.

который не принадлежалъ къ урожайнымъ, по свѣдѣніямъ, обнародованнымъ правительствомъ, остатокъ простирался до 15 мил. гектолитровъ зерноваго хлѣба, которые представляютъ двухъ мѣсячное продовольствіе страны. Этотъ остатокъ, однако, не произвелъ большаго колебанія въ цѣнахъ; напротивъ цѣны оставались въ обыкновенномъ размѣрѣ. Положимъ даже, что наши избытки могутъ простираться гораздо выше приведеннаго, все же мы скажемъ, что РОССІЯ ПРОИЗВОДИТЪ ИМЕННО ТО КОЛИЧЕСТВО ХЛѢБА, КОТОРОЕ ДОЛЖНО ПРОИЗВОДИТЬСЯ ПРИ НАШИХЪ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ. Это объясняется тѣмъ, что мы выше сказали объ обязательной рентѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ случаѣ, когда рента уплачивается работою, то куда же иначе эта работа можетъ быть употреблена, какъ не на земледѣліе, слѣдовательно на производство хлѣба? Ибо опытъ показываетъ, что для земледѣльца такой способъ употребленія ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ есть самый выгодный, каковы бы ни были цѣны на хлѣбъ. Этотъ хлѣбъ, составляющій произведеніе обязательной ренты служитъ одною изъ начальныхъ причинъ страшнаго колебанія цѣнъ. Для соблюденія выгоды всякаго производства, необходимо соображать размѣръ его съ потребностями рынка, но при обязательной рентѣ это соображеніе не можетъ имѣть мѣста, ибо землевладѣлецъ прежде всего долженъ имѣть въ виду употребить обязательную работу, во что бы то ни стало, а выгоднѣе онъ не можетъ употребить ее иначе, какъ на землю. Примѣры обращенія обязательныхъ работниковъ на фабричное дѣло рѣдки, да и тѣ удавались только тамъ, гдѣ изъ такихъ работниковъ образовался особый классъ людей, отвыкшихъ отъ земледѣлія и постановленныхъ совершенно въ положеніе вольнонаемныхъ. Правильная соразмѣрность между производствомъ и запросомъ хлѣба на рынкахъ можетъ установиться только тогда, когда рента пріймetъ естественный экономическій характеръ. Тогда землевладѣльцы не будутъ принуждены огромные запасы хлѣба, произведеніе обязательной ренты, вывозитъ на рынокъ, часто

весьма отдаленный, и продавать ихъ за предлагаемую цѣну въ подрывъ себѣ и другимъ, но зато каждое селеніе сдѣлается небольшимъ рынкомъ, ибо первымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей будетъ раздѣленіе труда, а вслѣдъ за тѣмъ появленіе постояннаго класса потребителей, нуждающихся въ покупномъ хлѣбѣ. Работникъ, трудясь изъ найма, на полѣ или въ мастерской, станетъ получать заработную плату и издерживать ее на свои потребности; и вотъ неизсякаемый источникъ внутренняго обращенія капиталовъ и появленія на сцену денегъ, недостатокъ которыхъ ничѣмъ другимъ не можетъ быть восполненъ, хотя бы мы свезли всѣ богатства рудниковъ Сибири и Америки".

Въ указанной выше запискѣ о крѣпостномъ правѣ онъ пишетъ: „Помѣщики продаютъ свой хлѣбъ безъ разсчета всѣхъ трудовъ и издержекъ на его производство, и потому уничтожаютъ усилія крестьянъ, хотя бы послѣдніе старались назначить цѣну, слѣдующую за ихъ труды и за всѣ издержки. Цѣны упадаютъ, крестьянинъ еще болѣе принужденъ продавать, уничтожая даже запасы, необходимыя для продовольствія". Мы имѣемъ предъ собою, такимъ образомъ, только дальнѣйшее развитіе взглядовъ Ѳомина, одобренные двумя академиками. Впослѣдствіи народническая доктрина, послѣ освобожденія крестьянъ, доказывала, что невозможность реализаціи прибавочнаго продукта должна погубить капиталистическое хозяйство и привести къ необходимости націонализаціи земли.

Уже П. Б. Струве [1]), разбирая соображенія Заблоцкаго, замѣтилъ, что въ это время развитіе помѣщичьяго хозяйства обогнало спросъ, а при этихъ условіяхъ послѣдній строилъ цѣны, вопреки мнѣнію Заблоцкаго, полагающаго, что наоборотъ предложеніе, въ основѣ котораго лежало производство хлѣба крѣпостнымъ трудомъ, само роняло цѣны. По мнѣнію этого писателя теорія Заблоцкаго „можетъ быть сведена къ несообразному положенію, что низкія издержки неизбѣжно роняютъ

1) l. c. Міръ Божій, № 12, 1899, стр. 280—282.

цѣны товара ниже своего уровня; — эта теорія была слабымъ и плохимъ аргументомъ въ пользу хорошаго и сильнаго дѣла освобожденія крестьянъ". Заблоцкій, какъ мы видѣли, нѣсколько иначе формулируетъ свои взгляды, чѣмъ утверждаетъ Струве.

Г. Лященко оставляетъ эти соображенія Струве безъ вниманія. Признавая всю неточность исчисленія тогдашняго избытка хлѣба (стр. 192—193) [1]), г. Лященко въ тоже время категорически склоняется къ мнѣнію, что производство обогнало рынокъ и на стр. 201, повидимому поддерживая и раздѣляя отчасти мнѣніе Заблоцкаго пишетъ: „помѣщики „не знали цѣны" произведеннаго даровымъ трудомъ хлѣба, не знали, какъ дорого обходится имъ этотъ же даровой трудъ по доставкѣ ихъ произведеній на рынокъ и рѣшались идти на всевозможныя спросу (вѣр. уступки?) торговцамъ, чтобы хоть что либо выручить за привезенный хлѣбъ на рынокъ. Въ сущности это не было, конечно, незнаніе (въ примѣч. крѣпостная бухгалтерія очень хорошо разсчитывала всѣ хозяйственные расходы и доходы), а просто экономическая необходимость реализовать прибавочный продуктъ на рынкѣ и возможность реализовать его дешево въ виду большаго *валоваго* (?) количества этого продукта."

Если бы авторъ болѣе внимательно пересмотрѣлъ движеніе цѣнъ за это время, болѣе вдумался въ статью Заблоцкаго и возраженія Струве, то, быть можетъ, и его собственныя взгляды прояснились, были болѣе соотвѣтственны дѣйствительности и болѣе оригинальны.

Какъ я уже сказалъ, авторъ не только могъ, но и дол-

1) Мнѣ представляется, что эти исчисленія никуда негодны. Въ журналѣ академика Шторха (Russland unter Alexander I, 1804 г. 3-й В.) тоже даны исчисленія урожая и избытка для 1802 г. по даннымъ губернаторовъ. Исчисляется урожай въ 155,7 мил. четвертей, а за вычетомъ на потребленія по двѣ четверти на каждую душу мужескаго и женскаго пола избытокъ опредѣляется въ 43 мил. четвертей. Въ Спб. авторъ безъ труда могъ найти эти отчеты и критически сравнить исчисленіе избытковъ начала, средины и конца 19-го вѣка.

женъ былъ предварительно дать свѣдѣнія объ общемъ движеніи цѣнъ. У Небольсина эти данныя болѣе разработаны, но достаточно взять изъ сочиненія Тенгоборскаго болѣе сжатыя таблицы, чтобы ознакомиться съ движеніемъ цѣнъ и съ условіями вывоза. Тенгоборскій беретъ данныя Веселовскаго о цѣнахъ въ приморскихъ портахъ и добавляетъ къ нимъ еще данныя за четыре десятилѣтія. Вотъ эти данныя [1]):

годы	пшеницы						ржи					
1824—1833	4	руб.	34	коп.	четверть		3	руб.	3	коп.		
1825—1834	4	„	60	„	„		3	„	17	„		
1826—1835	4	„	60	„	„		3	„	27	„		
1827—1836	4	„	80	„	„		3	„	13	„		
1828—1837	4	„	94	„	„		3	„	12	„		
1829—1838	5	„	1	„	„		3	„	21	„		
1830—1839	5	„	21	„	„		3	„	31	„		
1831—1840	5	„	29	„	„		3	„	41	„		
1832—1841	5	„	23	„	„		3	„	72	„		
1833—1842	5	„	31	„	„		3	„	73	„		
1834—1843	5	„	29	„	„		3	„	71	„		
1835—1844	5	„	10	„	„		3	„	37	„		
1836—1845	5	„	14	„	„		3	„	32	„		
1837—1846	5	„	26	„	„		3	„	58	„		
1838—1847	5	„	49	„	„		3	„	94	„		
1839—1848	6	„	87	„	„		4	„	46	„		
1840—1849	6	„	77	„	„		4	„	58	„		
1841—1850	6	„	62	„	„		4	„	46	„		
1842—1850	6	„	62	„	„		4	„	46	„		
1842—1851	6	„	52	„	„		4	„	33	„		
Средняя цѣна	5	руб.	4	коп.	четверть		3	руб.	44	коп.		

Тенгоборскій замѣчаетъ: „итакъ въ нашихъ портовыхъ городахъ, въ продолженіи 27 лѣтъ, съ 1824 по 1851 г.

1) См. Л. В. Тенгоборскій О производительныхъ силахъ Россіи, ч. II, стр. 43 и слѣд., М 1854 г.

средняя цѣна пшеницы увеличилась на 2 руб. 18 коп. или на 50 %, а ржи на 1 руб. 30 коп. или на 42 %.“

Разсматривая болѣе внимательно погодныя движенія цѣнъ Набольсинъ въ вышеуказанномъ сочиненіи замѣчаетъ[1]): „отпускъ хлѣбовъ изъ сѣверныхъ портовъ, случавшійся только въ неурожайные годы, не могъ у насъ имѣть вліянія на внутреннія цѣны: временное требованіе на хлѣбъ производило только значительныя колебанія въ нашихъ портовыхъ цѣнахъ; онѣ то возвышались, то падали болѣе или менѣе по видамъ на заграничный сбытъ. Постепенное *возвышеніе* цѣнъ, которое оказывается по 10-лѣтнимъ сложностямъ съ 1822 по 1846 г. включительно слѣдуетъ приписать успѣхамъ промышленности въ многолюднѣйшихъ центральныхъ губерніяхъ. Это обстоятельство должно было необходимо подѣйствовать на состояніе цѣнъ въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, продовольствующихъ тотъ край и не могло не отразиться на цѣны хлѣба при покупкахъ его для заграничнаго отпуска изъ сѣверныхъ портовъ. Напротивъ того, въ южныхъ портахъ, отпускающихъ преимущественно пшеницу, которая воздѣлывается въ южной Россіи почти исключительно для сбыта въ иностранныя земли, цѣны могли возвышаться единственно отъ усилившихся требованій на этотъ хлѣбъ для заграничнаго отпуска, но измѣнчивость ихъ причиною, что портовыя цѣны, по десятилѣтнимъ сложностямъ не представляютъ значительнаго *возвышенія*. Движеніе портовыхъ цѣнъ на хлѣбъ въ 25-лѣтній періодъ, съ 1822 по 1846 годъ, обнаруживаетъ, что въ новѣйшее время онѣ постепенно *возвышались*, но въ самомъ возвышеніи ихъ происходили изъ года въ годъ чрезвычайныя колебанія. Въ этой колеблемости хлѣбныхъ цѣнъ заключается главный источникъ жалобъ сельскихъ хозяевъ на разстройство доходовъ, зависящихъ отъ хлѣбопашества.“ У того же Тенгоборскаго авторъ могъ найти нижеслѣдующую таблицу хлѣбнаго вывоза и его цѣнности:

---

1) l. c. стр. 64—65.

годы	Средній трехгодичный вывозъ пшеницы, ржи и овса.	Цѣнность вывоза всѣхъ видовъ хлѣбовъ (вмѣстѣ съ мукой.)
1824—26 . . .	1.136.022 четвер. . . .	3.971.700 р. с.
1827—29 . . .	2.451.611 „ . . .	8.240.600 „ „
1830—32 . . .	3.749.531 „ . . .	16.622.400 „ „
1833—35 . . .	761.600 „ . . .	3.689.000 „ „
1836—38 . . .	2.532.531 „ . . .	10.521.000 „ „
1839—41 . . .	2.966.467 „ . . .	16.521.000 „ „
1842—44 . . .	2.913.731 „ . . .	13.810.500 „ „
1845—47 . . .	6.397.000 „ . . .	38.127.400 „ „
1848—50 . . .	3.764.984 „ . . .	19.908.000 „ „
1851 . . .	4.409.471 „ . . .	20.963.000 „ „

„Изъ этихъ данныхъ видно, замѣчаетъ Тенгоборскій, что (даже оставляя наиболѣе блестящій періодъ нашей хлѣбной торговли 1845—1847 г., представляющій исключительный случай, по причинѣ неурожая во Франціи и въ Англіи въ 1846 г.) вывозъ четырехъ главныхъ хлѣбовъ, взятыхъ вмѣстѣ, болѣе нежели учетверился, а цѣнность вывоза всѣхъ родовъ хлѣба, съ мукой включительно, почти упятерилась.“ Россія дѣлала, слѣдовательно, громадныя усилія для развитія внѣшняго рынка, но этого было недостаточно, чтобы поднять цѣны до нормы тогдашнихъ упованій хозяевъ.

Мнѣ кажется, что данныя Веселовскаго, Небольсина и Тенгоборскаго заслуживаютъ наибольшаго довѣрія. На основаніи этихъ данныхъ авторъ могъ бы съ большимъ основаніемъ отмѣтить, что приблизительно съ 1827 года начинается *подъемъ цѣнъ*, а *не ихъ упадокъ*. Этотъ подъемъ цѣнъ былъ очень колеблющимся и движеніе цѣнъ на пшеницу уже и въ это время сильно зависитъ отъ иностраннаго рынка. Очевидно, возрастаніе цѣнъ было недостаточно значительно для тогдашней системы хозяйства. Но развѣ и въ самое послѣднее время, въ особенности лѣтъ десять — пятнадцать назадъ и нынѣ наши сельскіе хозяева не продолжали жаловаться на то же явленіе?

Въ самой работѣ Заблоцкаго авторъ могъ найти указаніе, что и въ его время, и чуть ли не 80 лѣтъ назадъ, слышатся однѣ и тѣ же жалобы: на полную техническую отсталость, какъ помѣщичьяго, такъ и крестьянскаго хозяйства, на черезполосицу, на бѣдность въ капиталѣ, скотѣ и удобреніи, на малоземелье. Заблоцкій цитируетъ А. Болотова, который, отмѣтимъ между прочимъ, указываетъ слѣдующія причины бѣдности крестьянъ: „Во многихъ мѣстахъ *малоземелье*, чего многимъ помѣщикамъ и отвратить невозможно за неимѣніемъ денегъ для покупки въ другихъ мѣстахъ, а особливо по дорогой цѣнѣ оныхъ; 2) худоба земли, и проистекающее отъ того худое плодоносіе оной и частые неурожаи; крестьянинъ довольно не получаетъ хлѣба, не только на продажу, но и для себя. Часто случается, что онъ послѣдній хлѣбъ *съ осени* на нужду продаетъ, а потомъ весь годъ по большей части нужду и голодъ претерпѣваетъ. А исправить землю свою сколько нибудь силъ недостаетъ; 3) неимѣніе скота, котораго за недостаткомъ довольнаго количества сѣна и соломы и для другихъ причинъ крестьянинъ много держать не можетъ, къ тому же во многихъ мѣстахъ онъ и не ведется; 4) въ такихъ мѣстахъ, гдѣ земли не по мѣрѣ людей, а больше отягощается онъ излишнею работою. Однако сіе не во многихъ мѣстахъ, а болѣе пашетъ онъ столько же десятинъ на помѣщика, сколько на себя. А больше всего утруждаютъ и приводятъ въ изнеможеніе мужика многія и частыя поѣздки въ дальнія степныя мѣста, куда онъ сколько за господскимъ, а паче за своимъ хлѣбомъ ѣхать принужденъ, и отъ того великіе убытки претерпѣваетъ [1]).“

1) Авторъ не обратилъ вниманіе на Болотова, ни на тѣхъ любопытныхъ писателей, на которыхъ указалъ П. Б. Струве въ своей статьѣ: „Къ литературно-общественной исторіи крестьянскаго вопроса.“ Для лицъ интересующихся мнѣніями разныхъ дѣятелей тогдашней эпохи я считаю необходимымъ отмѣтить книгу, изданную подъ редакціей Степана Маслова „Историческое обозрѣніе дѣйствій и трудовъ Московскаго Общества сельскаго хозяйства“, Москва, 1846 года, гдѣ дана библіографія трудовъ членовъ общества, помѣщенныхъ въ журналахъ

Но довольно. Эта общность жалобъ давно пережитой старины и современности, только въ нѣсколько преобразованномъ видѣ, должна была побудить автора усумниться въ правильности точки зрѣнія Заблоцкаго, будто обязательная рента была причиной кризиса крѣпостнаго хозяйства, будто помѣщикъ былъ виновенъ въ упадкѣ цѣнъ, ибо производилъ слишкомъ много и, не имѣя возможности ограничить трату труда и производства, поэтому продавалъ, ниже издержекъ своего производства. Въ 30—50-хъ годахъ прошлаго вѣка крѣпостное право для многихъ странъ Европы и система рабскаго труда въ Соединенныхъ Штатахъ, которые уже съ 20-хъ годовъ прошлаго вѣка стали конкурировать съ нами на хлѣбномъ рынкѣ, создавали условія, которыя были аналогичны съ нашими, русскими. Эта система имѣла свои особыя издержки производства и не могли же всѣ страны такого рода продавать ниже своихъ издержекъ. Наконецъ, развѣ устраненіе крѣпостнаго права должно было лишить землевладѣльцевъ этого прибавочнаго продукта? Все капиталистическое хозяйство должно было бы тогда вѣчно продавать ниже своихъ издержекъ производства при наличности значительнаго прибавочнаго продукта и невозможности ограничить производство (что и въ этомъ хозяйствѣ не такъ просто), а это, конечно, экономическій абсурдъ. Очевидно, кризисъ крѣпостнаго хозяйства лежалъ гораздо глубже, чѣмъ въ затруднительности продажи излишне произведеннаго прибавочнаго продукта обязательной ренты. Автору надлежало болѣе глубоко изслѣдовать всѣ факторы національнаго раздѣленія труда, условія развитія обрабатывающей промышленности, экономической политики тогдашняго времени вообще, въ Россіи и въ Европѣ, всѣ условія международнаго обмѣна и въ особенности *самой производительности труда*. Конкуренція на рынкѣ, во особенности на мѣстномъ, между крестьянскимъ и владѣльческимъ

земледѣльческомъ, овцеводства и въ запискахъ комитета сахароваровъ съ 1827 г. по 1846 г.

хлѣбомъ существовала уже и тогда, а условія производительности труда были очень низки и многообразны . . .

Расширеніе площади обрабатываемыхъ земель и развитіе зернового хозяйства, быть можетъ, не представилось ему, какъ и Заблоцкому, простымъ результатомъ существованія какого то вынужденнаго крѣпостнымъ бытомъ перепроизводства, даже существованіе котораго мнѣ кажется сомнительнымъ[1]). Расширеніе площади обрабатываемыхъ земель и развитія зернового хозяйства, кромѣ того, по моему мнѣнію, еще не доказываютъ выгодности хозяйства, значительности валового продукта и прибавочной цѣнности при данныхъ условіяхъ національнаго раздѣленія труда, международнаго рынка и производительности труда. Если бы авторъ не оставилъ безъ вниманія весьма цѣннаго замѣчанія Веселовскаго о несоотвѣтствіи между продажными цѣнами и той стоимостью „во что они обошлись производителю“, тогда быть можетъ, онъ далъ бы болѣе глубокое объясненіе причинъ, почему крѣпостное хозяйство должно было пасть и былъ бы болѣе близокъ по духу къ ученіямъ Маркса, который отлично понималъ, что въ извѣстныя эпохи извѣстныя производственныя отношенія служатъ оковами, для *развитія производительныхъ силъ*[2]). Тогда,

1) Условія отчужденія продукта только отчасти могутъ опредѣляться размѣрами прибавочнаго продукта; условія отчужденія тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ самими потребностями производителя; послѣдніе же были такъ велики и настоятельны, что бороться за размѣръ цѣны ему также приходилось и при обязательной рентѣ, какъ и теперь при свободномъ трудѣ. Замѣчаніе Заблоцкаго, что Россія производила столько хлѣба, сколько должна была производить приложимо ко всѣмъ системамъ хозяйства; только въ наше время замѣтны попытки на широкихъ началахъ регулировать производство, но и при крѣпостномъ правѣ существованія этихъ попытокъ отрицать нельзя. Въ самомъ процессѣ увеличенія дворовой челяди нерѣдко скрывался секретъ отвлеченія силъ отъ земледѣльческой пахоты. Выясненіе вопроса о значеніи продажъ крестьянскаго хлѣба, о которомъ говорятъ уже и въ это время, о конкуренціи хлѣбовъ разныхъ производителей, могло бы составить очень полезную работу автора, но онъ категорически винитъ только помѣщиковъ.

2) Впрочемъ надлежитъ сказать, что указаніе на непроизводительность крѣпостнаго труда не составляетъ, конечно, особой заслуги г. Веселовскаго. Я подчеркнулъ его мнѣніе только потому, что авторъ читалъ его

быть можетъ, онъ сказалъ бы, что *никакая производительность* крѣпостнаго труда съ одной стороны, съ другой невозможность развитія въ соотвѣтствующемъ темпѣ обрабатывающей промышленности, вызывавшая необходимость значительныхъ переплатъ за ея продукты, самыя требованія все

статьи, но недочиталъ до конца. Съ самаго начала вѣка сознаніе это мало по малу укореняется. Уже въ отвѣтъ на задачу Вольнаго Экономическаго Общества въ 1803 г. „какія надлежитъ принять мѣры, чтобы духъ дѣятельности, ревности и прилежанія ... въ нижнихъ состояніяхъ людей такъ возбудить можно было, чтобы оной содѣлался напослѣдокъ необходимою для нихъ привычкой“, пишетъ сочиненіе г. С. С. Джунковскій и получаетъ золотую медаль. (См. Труды Вольнаго Экон. Общества 1804 г., часть 64). Джунковскій пишетъ здѣсь: Величайшее затрудненіе состоитъ въ приведеніи къ порядку и къ совершенному трудолюбію тѣхъ крестьянъ, которые оброкъ платятъ натурою или вмѣсто онаго отправляютъ работу для господина. Платить натурою, какъ то холстомъ, орѣхами, грибами, ягодами, курами, яйцами и прочее, для женъ и дѣтей есть больше поводъ къ праздности и отчаянію, нежели къ надлежащему труду. Ибо здѣсь есть принужденное и ни малѣйшей награды, ниже отрады въ виду не представляетъ. Не можно ли бы такія прихоти оставить, получая за то извѣстное число денегъ, подъ однимъ наименованіемъ оброка, не раздражая чувствительности многоразличными наименованіями почти безполезныхъ тягостей и оставляя на произволъ крестьянъ способы пріобрѣтенія? Что касается до господской работы, называемой просто барщиной, то оная въ иныхъ мѣстахъ не соотвѣтствуетъ ни крестьянской, ни помѣщичьей пользѣ, ибо крестьянинъ, поперемѣнно то у себя, то у господина работая, и различными дѣлами черезъ день или чрезъ недѣлю занимаясь, ни во томъ, ни въ другомъ мѣстѣ надлежащимъ образомъ не успѣваетъ. Но если крестьяне чрезъ долгое время, или отдѣльная часть семейства, всегда на господина работаютъ, то хотя, повидимому, господская прибыль велика, но крестьяне, всегда работая по принужденію и подъ присмотромъ, все то, что невольною прилежностью для другого производятъ, у себя съ явнымъ небреженіемъ оставляютъ. Порокъ сей въ самомъ существѣ дѣла находится, а не въ людяхъ. Исправить оный кажется трудно; но если бы при теперешнемъ лучшемъ понятіи о вещахъ, помѣщики взяли на себя трудъ разсчитать нѣсколько по купечески: 1) Чего стоитъ въ день работникъ и лошадь, 2) сколько работникъ, для своего барина дѣлая выработать можетъ, 3) сколько изъ выработаннаго заплатить можетъ за землю и за покровительство, 4) сколько работникъ принужденно для другого вырабатываетъ или испортитъ и наконецъ 5) сколько стоитъ содержаніе и поправленіе разореннаго работника: то легко могли бы усмотрѣть, „что со всѣми видимыми поправленіями, ихъ хозяйства, если не они, то потомки ихъ въ величайшей остаются потерѣ“.

болѣе *усложняющагося механизма государственнаго строенія* страны заставляли землевладѣльца расширять зерновое хозяйство, должать, выколачивать наибольшее количество прибавочнаго труда, жаловаться на невозможность удовлетворенія своихъ расширяющихся классовыхъ потребностей и все же идти вѣрными шагами къ разоренію. И вплоть до настоящаго времени мечта Заблоцкаго о томъ, что „каждое селеніе сдѣлается небольшимъ рынкомъ, ибо первымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей будетъ раздѣленіе труда, а вслѣдъ за тѣмъ появленіе постояннаго класса потребителей, нуждающихся въ покупномъ хлѣбѣ“, еще далеко не осуществилось.

Эта же глава, въ которой авторъ показываетъ какую роль даже въ 19-мъ вѣкѣ играло несовершенство путей сообщенія, невольно заставляетъ вспомнить отмѣченное выше наивное утвержденіе автора, будто торговля въ древней Руси протекала при какихъ то нормальныхъ условіяхъ. Какъ показываетъ и самъ авторъ въ слѣдующихъ главахъ самая перестройка нашего народнаго хозяйства началась съ видоизмѣненія путей сообщенія.

Глава 6-я, озаглавленная условія и послѣдствія ликвидаціи крѣпостнаго права, въ общемъ, правильно знакомитъ читателя съ общеизвѣстными результатами освободительной эпохи: уменьшеніемъ надѣловъ въ мѣстностяхъ, гдѣ обработка земли была при всѣхъ предшествовавшихъ жалобахъ все таки выгодна, и съ развитіемъ денежныхъ отношеній. Въ этой же главѣ авторъ констатируетъ тотъ фактъ, что опасенія дореформенныхъ экономистовъ (какихъ?), что произойдетъ сокращеніе хлѣбнаго торговаго производства не сбылись. Значительная доля помѣщичьихъ земель стала обрабатываться за отработки и исполу, крестьянскимъ инвентаремъ и скотомъ. Такимъ образомъ самъ авторъ долженъ былъ замѣтить, что не въ обязательной рентѣ лежала причина кризиса крѣпостнаго хозяйства и его устраненія. Особенно интересно, какъ въ этой главѣ, такъ и въ слѣдующей, подмѣченное авторомъ на основаній изслѣдованій Вольно Экономическаго Общества явле-

ніе децентрализаціи и демократизаціи хлѣбнаго рынка: продажа хлѣба сравнительно мелкими партіями и на мѣстныхъ рынкахъ. На рынокъ сталъ поступать хлѣбъ, произведенный свободными крестьянскими руками. Приходится только сожалѣть, что онъ не посвятилъ этому явленію большаго вниманія.

III.

Главы съ седьмой по десятую вообще представляютъ собою относительно лучшую часть книги.

Авторъ показываетъ въ этихъ главахъ, какъ наша страна была неизбѣжна вовлечена въ постройку желѣзныхъ дорогъ, которыя дали ей возможность реализовать все усиливавшееся хлѣбное производство, совершенно видоизмѣнили и уровняли процессъ образованія цѣнъ. Правда, усиленная стройка желѣзныхъ дорогъ породила новое распредѣленіе рынковъ, соперничество самыхъ отдаленныхъ рынковъ, всю сложную путаницу дифференціальныхъ тарифовъ; стройка эта совершалась не только въ цѣляхъ экономическаго развитія, но и по стратегическимъ соображеніямъ, но и того, что сдѣлалъ авторъ достаточно, чтобы убѣдить всякаго, что, вступивъ на этотъ путь, наша бюрократія — дорого или дешево, съ большими злоупотребленіями, умѣло или не умѣло, не только не совершила исторической ошибки, но выполнила только то, что ей диктовали неотложные потребности и интересы. Безъ упраздненія крѣпостнаго права и безъ желѣзныхъ дорогъ Россія не могла бы удовлетворить ни потребностямъ государственнаго механизма, бюрократіи и владѣльческихъ классовъ, ни дать возможности крестьянству, экстенсивно расширивъ площадь обрабатываемой земли, покрыть нужды сильно возросшаго своего личнаго состава. Авторъ умѣло показываетъ, какъ желѣзныя дороги, возникшіе и выстроенныя, какъ онъ выражается, за счетъ крестьянской ржи и овса (?), все болѣе и болѣе стали пробуждать къ жизни чисто промышленное производство на пшеничныхъ поляхъ юга и юго востока. Авторъ собралъ любопытныя данныя о

состояніи ежегодныхъ запасовъ хлѣба, о поступленіи хлѣбовъ на рынокъ, о движеніи хлѣбныхъ цѣнъ по разнымъ періодамъ года. Правда и въ этихъ главахъ, возвращаясь къ своимъ излюбленнымъ идеямъ, онъ иногда дѣлаетъ слишкомъ опасныя обобщенія. Такъ на стр. 275 онъ утверждаетъ, что въ противоположность дореформенной и дожелѣзнодорожной Россіи, съ ея медленнымъ и неподвижнымъ товарнымъ обращеніемъ и неразвившимся рынкомъ, — въ настоящее время, благодаря чрезвычайно быстрому пульсу товарнаго обращенія, ростъ рынка обгоняетъ самое производство и на стр. 274 онъ полагаетъ, что и въ настоящее время, какъ и двадцать лѣтъ назадъ, мы присутствуемъ при гораздо болѣе быстромъ развитіи торговаго капитализма, чѣмъ производительнаго. Какъ первый, такъ и второй выводъ весьма сомнительны. Авторъ упустилъ изъ виду, что еще въ 1894—1897 г. мы переживали острый кризисъ отъ паденія цѣнъ, объясненіе котораго вызвало большія разногласія въ литературѣ, да и теперь ростъ цѣнъ не принялъ еще вполнѣ устойчиваго характера и, быть можетъ, это объясняется не только быстрымъ перерастаніемъ рынка сравнительно съ производствомъ, но и существенными видѣизмѣненіями въ самомъ строѣ хозяйства Россіи и въ условіяхъ международной конъюнктуры. Что же касается до второго вывода, то автору совсѣмъ его дѣлать не слѣдовало, ибо сколько нибудь обслѣдованнаго рѣшенія о капитализаціи промысловъ и сельскаго хозяйства онъ совершенно не даетъ.

При характеристикѣ внутренняго сельскохозяйственнаго рынка авторъ справедливо показываетъ, всю недостаточность нашихъ свѣдѣній объ урожаяхъ (стр. 279—301). Конечно ими приходится пользоваться, но, сознавая ихъ неточность, автору слѣдовало и пользоваться ими съ большею осторожностью.

Болѣе полно и интересно, конечно, можно прослѣдить движеніе хлѣбныхъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ и изъ портовъ. Въ этомъ отношеніи г. Лященко имѣлъ молодого предшественника, нынѣ проф. г. Билимовича, работой котораго, написанной еще въ качествѣ стипендіата подъ заглавіемъ:

„Товарное движеніе по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ“, г. Лященко и воспользовался, но не всегда внимательно и не всегда обращая вниманія на тѣ ограниченія, съ которыми авторъ работы даетъ данныя. На стр. 315 авторъ беретъ таблицу Билимовича, пропускаетъ крупу и пшеницу и тѣмъ не менѣе считаетъ восемь хлѣбныхъ грузовъ; на стр. 321 онъ часть таблицы заимствуетъ у Билимовича, не дѣлая на него даже ссылки. Тоже повторяется и на страницахъ 321 и 333. Во многихъ мѣстахъ авторъ дѣлаетъ слишкомъ глухія ссылки: по даннымъ Вѣстника Финансовъ за соотвѣтствующіе годы, по даннымъ статистики департамента желѣз. дорогъ и т. п., (напр. на стр. 306, 369, 376 и т. д.). Такого рода ссылки недопустимы, не даютъ возможности читателю, ни провѣрить данныхъ, ни узнать насколько *самостоятельно* произведены эти исчисленія.

Я не буду особенно подробно останавливаться на массѣ вопросовъ, поднимаемыхъ здѣсь авторомъ въ надеждѣ, что второй оппонентъ отнесется со вниманіемъ къ этой части работы; я обращу вниманіе лишь еще на одинъ заключительный выводъ автора.

Придя къ выводу, послѣ краткаго и бѣглаго обзора данныхъ бюджетной статистики, что наибольшая часть увеличенія внутренняго потрѣбленія внутренняго рынка обусловливается ростомъ городскаго и промышленнаго населенія, въ особенности въ районахъ съ недостаточнымъ собственнымъ хлѣбнымъ производствомъ, и, что среди собственно же сельскаго населенія увеличеніе потребленія наблюдается лишь въ очень небольшомъ размѣрѣ (ст. 415—416), указавъ, что крестьянину приходится продавать осенью дешево только для того, чтобы покупать зимою дорого, мѣняя при этомъ пшеницу на рожь, авторъ приходитъ къ весьма тяжеловѣсному выводу, который къ тому же огульно распространяетъ на всю Россію.

Обративъ вниманіе также на то, что около половины крестьянскаго хлѣба при этомъ поступаетъ на рынокъ, онъ рѣшается утверждать, что „все современное крестьянское хозяйство есть производство на скупщика.“

Съ этимъ выводомъ врядъ ли можно согласиться. Мнѣ думается, что выводъ этотъ запоздалъ приблизительно лѣтъ на тридцать, когда такъ широко и почти исключительно процвѣтала у насъ испольная система. Теперь условія эти уже значительно видоизмѣнились, какъ для крестьянскаго, такъ и для владѣльческаго хозяйства въ сторону ихъ капитализаціи во многихъ районахъ Россіи, которая — и этого никогда не должно забывать — безконечно разнообразна по своимъ экономическихъ условіямъ и всякій *осторожный* экономистъ долженъ, поэтому, воздерживаться отъ *огульныхъ* выводовъ. Общіе выводы относительно такой громадной территоріи приводятъ только къ самообману. Выводъ автора, можетъ имѣть, однако, болѣе скромное, но не менѣе серьезное значеніе. Если на рынокъ поступаетъ громадная масса крестьянскаго хлѣба, то, слѣдовательно, уровень цѣнъ и для него имѣетъ громадное значеніе, оказываетъ на него сильное экономическое вліяніе. Наше крестьянское хозяйство силою историческаго процесса втянуто въ условія мірового обмѣна. Постепенное возвышеніе цѣнъ на хлѣба, которое замѣчается въ послѣдніе годы, не можетъ не отразиться на крестьянскомъ хозяйствѣ и потому мнѣ думается авторъ правъ, утверждая, что никакого другого пути для дальнѣйшаго прогресса земледѣльческаго хозяйства и для разрѣшенія замѣчающагося въ немъ противорѣчія между капиталомъ и трудомъ, кромѣ общаго пути развитія хозяйства въ сторону его капитализаціи и здѣсь не имѣется (стр. 386).

Подводя общій итогъ всего отзыва, я прихожу къ заключенію, что какъ ни велики недостатки означеннаго сочиненія, но факультетъ не сдѣлаетъ ошибки, поощривъ автора присужденіемъ ему степени магистра. Не будучи еще вполнѣ опытнымъ изслѣдователемъ, авторъ совершенно безъ нужды увлекся теоретической схемой, не продумавъ ее достаточно. Широта задачи заставила его спѣшить, схватывая только существенныя стороны вопроса, какъ ему представляется. Въ этой погонѣ за данными, иногда мелочи занимаютъ мѣсто существеннаго, а важное отбрасывается въ сторону. Заслуга

автора, однако, заключается въ томъ, что онъ занялся вопросомъ, касающимся Россіи, пересмотрѣлъ труды многихъ забытыхъ нашихъ экономистовъ и показалъ, какъ много поучительнаго намъ можетъ дать изученіе нашего экономическаго быта. Совершенно небрежно отнесясь къ исторіи до 18-го вѣка, онъ все же собралъ нѣкоторыя любопытныя данныя относительно 19-го вѣка и насколько съумѣлъ попытался освѣтить ихъ съ своей точки зрѣнія. Хотя выводы автора о томъ, будто крестьянское хозяйство представляетъ производство на скупщика и оказались недостаточными, но все же громадную роль обмѣна во всемъ строѣ нашего хозяйства ему показать удалось. Хотя изученіе эволюцію сельскаго хозяйства и обособлено имъ ошибочно отъ всѣхъ другихъ сторонъ народной жизни, хотя изображеніе эволюціи хозяйства и сводится авторомъ почти исключительно къ условіямъ торга хлѣбами, но и въ этой области онъ всетаки попытался нарисовать, хотя и не новую, но все же любопытно скомпанованную картину; можно надѣется, что, когда авторъ примется за другія работы, онъ станетъ серьезнѣе, вдумчивѣе и точнѣе относиться къ тому матеріалу, которымъ онъ пользуется, памятуя, что задача изслѣдователя заключается не въ томъ, чтобы рабски идти за какой либо схемой, а изображать реальную дѣйствительность такъ, какъ она есть. Для этого автору придется разучиться отъ многихъ непріятныхъ особенностей своего перваго изслѣдованія, и въ особенности отъ неправильнаго и небрежнаго пользованія источниками[1]).

28 ф. 1910 г.
Юрьевъ, Лифл. губ.

Ординарный профессоръ
политической экономіи и статистики
А. Миклашевскій.

1) Надлежитъ принять въ соображеніе и то обстоятельства, что г. Лященко опубликовалъ и нѣкоторые другіе работы, среди которыхъ особенно заслуживаютъ вниманія: Мукомольная промышленность Россіи и иностранные хлѣбные рынки, Спб., 2-е изд. 1910 г. Кооперативный кредитъ и его значеніе въ реализаціи урожая, Спб. 1910 г. Мобилизаціи землевладѣнія Россіи и его статистика, статья въ Русской Мысли.

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета“.

Типографія К. Маттисенъ, Юрьевъ.